

Умереть снова

Автор:

Тесс Герритсен

Умереть снова

Тесс Герритсен

Джейн Риццоли и Маура Айлз #11

Бостонский детектив Джейн Риццоли с помощью патологоанатома Мауры Айлз расследует жестокое убийство Леона Готта – таксидермиста и заядлого охотника. Его сын Эллиот пропал во время путешествия по Африке за шесть лет до этого. Между двумя происшествиями неожиданно обнаруживается связь. Полицейские выходят на Милли Джекобсон – единственную выжившую в том самом сафари. Кажется, страх навсегда изувечил ее. Но Джейн просит Милли о невозможном: шагнуть навстречу самому опасному хищнику на свете – человеку, стать для него приманкой...

Впервые на русском языке!

Тесс Герритсен

Умереть снова

Левине посвящается

©?Г. Крылов, перевод, 2016

©?Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА

* * *

1

Дельта Окаванго[1 - Окаванго – река в Юго-Западной Африке. Дельта Окаванго – самая большая внутренняя дельта планеты, не имеющая стока в Мировой океан. Находится на территории Ботсваны, главный источник воды в этом регионе, примыкающем к пустыне Калахари.], Ботсвана

В косых лучах рассвета виден след, едва заметный, словно водяной знак, вдавленный в проплешину на земле. Будь это середина дня, когда жаркое и яркое африканское солнце нещадно палит с зенита, я бы ничего не разглядела, но ранним утром даже малейшие впадины и ямки образуют тени, и, когда я выбираюсь из нашей палатки, этот единственный отпечаток лапы привлекает мое внимание. Я сажусь рядом с ним на корточки и покрываюсь холодным потом от внезапного осознания: пока мы спали, единственной нашей защитой был тонкий палаточный брезент.

Распахивается клапан палатки, и появляется Ричард, он довольно кряхтит, распрямляется и потягивается, вдыхает запах росистой травы, дымка и завтрака, который готовится на костре. Запахи Африки. Это путешествие – мечта Ричарда, и только Ричарда, мне ничего подобного и в голову не приходило. Я всегда потакаю бойфренду в его желаниях. Режим по умолчанию: «Конечно, я согласна, дорогой». Даже если это подразумевает двадцатичетырехчасовой полет на трех разных самолетах: из Лондона в Йоханнесбург, оттуда в Маун[2 - Маун – небольшой город в Ботсване.], а потом в буш, причем последний самолет – рахитичная этажерка, за штурвалом которой сидит пилот, еще не протрезвевший после вчерашнего. Даже если это означает две недели жизни в палатке, постоянные сражения с комарами и необходимость справлять нужду за кустиком.

Даже если это означает, что я могу умереть; а именно об этом я и думаю, глядя на след, оставленный в земле всего в трех футах от того места, где спали ночью

мы с Ричардом.

– Нет, ты почувствуй, какой воздух, Милли! – радостно вопит Ричард. – Нигде больше нет такого душистого воздуха!

– Здесь был лев, – говорю я.

– Хорошо бы собрать в бутылочку и привезти домой. Вот это был бы сувенир! Запах буша!

Он меня не слушает. Он слишком опьянен Африкой, слишком захвачен этой своей великой фантазией: белый искатель приключений на Черном континенте, где все великолепно, все блестяще, даже вчерашний ужин – консервированная свинина с бобами, которую он объявил «самой замечательнейшей едой на свете».

Я повторяю громче:

– Здесь был лев, Ричард. Рядом с нашей палаткой. Он мог запросто порвать брезент.

Я хочу, чтобы он начал волноваться, чтобы сказал: «О боже, Милли, это серьезно».

Но вместо этого он беззаботно кричит ближайшим нашим соседям:

– Эй, смотрите-ка! Ночью сюда приходил лев!

Первыми к нам присоединяются две девицы из Кейптауна, их палатка рядом с нашей. У Сильвии и Вивиан голландские фамилии, которые я не могу ни произнести, ни написать. Им обеим за двадцать, они загорелые длинноногие блондинки, и поначалу я их с трудом различала, пока Сильвия не заявила раздраженно: «Слушайте, Милли, мы с ней вроде не близнецы! Разве вы не видите, что у Вивиан голубые глаза, а у меня – зеленые?» Девицы присаживаются по обе стороны от меня и разглядывают след лапы, и тут я замечаю, что они и пахнут по-разному. Голубоглазая Вивиан пахнет травой-зубровкой, это свежий, без малейшей горечи запах юности. Сильвия пахнет как

лимонный лосьон, которым постоянно мажется, чтобы отгонять комаров: «Репелленты ведь ядовиты, вы знаете?» Они сидят по бокам от меня, как две светловолосые богини при входе в храм, и я, конечно, тут же замечаю, что Ричард снова заглядывает в низкий вырез майки Сильвии, откровенно демонстрирующий ложбинку между грудей. Девушке, горячо возражающей против применения репеллентов, не следовало бы обнажать столь большие поверхности лакомой кожи.

Естественно, Эллиот немедленно присоединяется к нам. Он всегда рядом с блондинками, с которыми познакомился всего несколько недель назад в Кейптауне. С тех пор он не отходит от них, как верный щенок, надеющийся, что ему уделят капельку внимания.

– Это свежий отпечаток? – взволнованно спрашивает он.

Слава богу, хоть кто-то разделяет мое беспокойство.

– Вчера я его здесь не видел, – говорит Ричард. – Вероятно, лев приходил прошлой ночью. Только представьте: вышли вы по естественным надобностям и столкнулись с ним!

Он рычит и, согнув пальцы как когти, замахивается на Эллиота, который тут же отшатывается. Ричард и блондинки смеются, Эллиот – это для всех разрядка смехом, озабоченный американец, чьи карманы набиты салфетками и баллончиками от насекомых, кремами от загара и дезинфицирующими средствами, антиаллергенными пилюлями, таблетками для очистки воды и всеми прочими возможными средствами выживания.

Я не смеюсь вместе со всеми.

– Кстати, чья-нибудь жизнь вполне могла бы здесь и закончиться, – замечаю я.

– Но именно так и случается на настоящих сафари, разве нет? – весело говорит Сильвия. – Вы ведь в буше со львами.

– Похоже, это не самый большой лев, – говорит Вивиан, вглядываясь в отпечаток. – Может, самка, как думаешь?

– Самец или самка – сожрет и не поперхнется, – бормочет Эллиот.

Сильвия игриво шлепает его:

– Ой-ой. Неужели испугался?

– Нет. Я, вообще-то, думал, что Джонни преувеличивал, когда проводил с нами беседу в первый день: «Оставайтесь в джипе. Оставайтесь в палатке. Иначе смерть».

– Слушайте, Эллиот, если хотите абсолютной безопасности, то надо было идти в зоопарк, – говорит Ричард, и блондинки хохочут, слыша его колкое замечание.

Все кричат «ура» Ричарду, настоящему альфа-самцу. Подобно героям написанных им романов, он тот самый человек, который берет на себя ответственность и спасает положение. Или думает, что спасает. Здесь, в этих диких местах, он на самом деле всего лишь еще один бестолковый лондонец, однако ему удастся создать впечатление, будто он специалист по выживанию. И сегодня утром меня это ужасно раздражает, как будто мало того, что я голодна и не выспалась, а теперь меня еще и гнус нашел. Комары всегда меня находят. Стоит мне выйти наружу, им словно кто-то сигналист колокольчиком: обед готов. А я начинаю хлопать себя по шее и лицу.

Ричард зовет нашего африканского следопыта:

– Кларенс, идите-ка сюда. Взгляните, кто к нам ночью приходил в гости.

Кларенс, попивавший кофе у костра с мистером и миссис Мацунага, неторопливо идет к нам с жестяной кружкой и присаживается рядом с отпечатком.

– След свежий, – заявляет Ричард, новый специалист по бушу. – Лев прошел здесь, вероятно, прошлой ночью.

– Не лев, – говорит Кларенс. Он, прищурившись, смотрит на нас, его черное лицо поблескивает в лучах утреннего солнца. – Леопард.

– Откуда вы знаете? По отпечатку одной-единственной лапы?

Кларенс рисует пальцем в воздухе над отпечатком:

– Видите, это передняя лапа. Форма круглая, как у леопарда. – Он поднимается и оглядывает местность. – И это только одно животное, значит охотится в одиночку. Да, это леопард.

Мистер Мацунага снимает отпечаток своей гигантской камерой «никон», у которой телеобъектив похож на какой-то космический аппарат. На нем и его жене одинаковые куртки для сафари, брюки хаки, легкие шарфики и шляпы с широкими полями. Одежка у них одинаковая вплоть до малейшей детали. В облюбованных туристами местах по всему миру можно найти такие пары, облаченные в одинаковые чужеземные одеяния. Когда смотришь на них, то кажется, что они проснулись утром и подумали: «А не насмешить ли нам сегодня мир?»

Солнце поднимается все выше, размывая тени, так четко очерчивавшие отпечаток лапы, и, спеша опередить его, остальные туристы щелкают камерами. Даже Эллиот достал свой карманный фотоаппарат, но, похоже, лишь потому, что то же самое сделали все остальные, а он не хочет быть белой вороной.

Только я не стала фотографировать. Ричард нащелкал столько, что хватит нам обоим, а он снимает на «кэнон» – «ту самую камеру, которой пользуются фотографы „Нэшнл джиографик“!» Я прячусь в тень, но даже там, где солнце меня не достает, чувствую, как из-под мышек текут ручейки пота. Жара усиливается. В буше каждый день – пекло.

– Теперь вы понимаете, почему я требую, чтобы вы по ночам не выходили из палаток? – говорит Джонни Постьюмус.

Наш проводник и старший группы приблизился так тихо – я даже не заметила, что он вернулся с реки. Джонни стоит теперь прямо у меня за спиной, и я поворачиваюсь к нему. Фамилия у него более чем мрачная – Постьюмус[3 - Фамилия созвучна с английским словом posthumous, что означает «посмертный»], но она довольно широко распространена среди поселенцев-африканеров[4 - Африканеры – группа населения ЮАР, потомки колонистов голландского, немецкого и французского происхождения.], чьим потомком он является. В его лице – решительные черты предков-голландцев. У него светлые, выжженные солнцем волосы, голубые глаза, загорелые до черноты ноги в

шортах хаки, похожие на древесные стволы. Комары, как и жара, совсем его не тревожат, и он не носит шляпы, не пользуется мазями или репеллентами. Он вырос в Африке, а потому у него закаленная кожа, нечувствительная к местным неудобствам.

– Она пришла сюда перед рассветом, – говорит Джонни и показывает на кусты по краю лагеря. – Вышла из зарослей, пошла на огонек и заглянула мне в глаза. Красавица, большая и здоровая.

Его спокойствие удивляет меня.

– Вы что, видели ее?

– Я вышел из палатки, стал разводить костер к завтраку, тут она и появилась.

– И что вы сделали?

– Ровно то, что советовал делать и вам в подобной ситуации. Встал во весь рост. Чтобы она хорошо разглядела мое лицо. У травоядных животных, вроде зебр или антилоп, глаза по сторонам головы, а у хищников глаза смотрят вперед. Всегда нужно показывать кошке лицо. Пусть увидит, где у вас глаза, поймет, что вы тоже хищник. И тогда дважды подумает, прежде чем напасть. – Джонни оглядывает семерых клиентов, которые платят ему за то, чтобы остаться живыми в этих диких краях. – Хорошо запомнили? По мере того как мы будем уходить глубже в буш, будем встречать больше крупных кошек. Если увидите какую-нибудь, встаньте во весь рост и постарайтесь казаться как можно крупнее. Смотрите им в глаза. И ни в коем случае не убегайте. Если вы стоите на месте, ваш шанс выжить выше.

– Вы столкнулись с леопардом, – говорит Эллиот. – Почему не воспользовались этим? – Он показывает на ружье, которое всегда на плече у Джонни.

Джонни отрицательно качает головой:

– Я не стану стрелять в леопарда. Не хочу убивать больших кошек.

– Но ружье – разве оно у вас не для этого? Не для того, чтобы защищаться?

– Их слишком мало осталось в мире. Эта земля принадлежит им, мы здесь пришельцы. Если бы леопард напал на меня, не думаю, что я убил бы его. Даже ради спасения собственной жизни.

– Но к нам это не относится, верно? – с нервным смешком спрашивает Эллиот, оглядывая нашу группку. – Чтобы защитить кого-то из нас, вы застрелите леопарда?

Джонни ответил с иронической улыбкой:

– Посмотрим.

К полудню мы собрали вещички и приготовились двинуться глубже в буш. Джонни садится за руль, Кларенс – на место следопыта, выступающее над бампером. Мне это место кажется опасным: он сидит там и болтает ногами, легкая добыча для любого льва. Но Джонни уверяет нас, что, пока мы держимся машины, – мы в безопасности, потому что хищники считают, будто все мы – часть огромного животного. «А выйди из машины – и ты готовая закуска. Все поняли?»

Да, сэр. Мысль ясна.

Здесь совсем нет дорог, только чуть примятая трава, где проезжавшие прежде машины спрессовали мягкую землю. Шрамы, которые оставляет единственный проехавший автомобиль, могут залечиваться месяцами, говорит Джонни, но я думаю, что так глубоко в дельту заезжают не многие. Мы уже в трех днях езды от посадочной полосы в буше, на которой приземлился наш маленький самолет, а так еще и не видели ни одной машины в этих диких местах.

Дикие места... Еще четыре месяца назад, сидя в лондонской квартире и слушая, как дождь стучится в окно, я даже не верила в их существование. Когда Ричард подозвал меня к компьютеру и показал сайт о сафари в Ботсване, где он хотел провести вместе со мной отпуск, я увидела фотографии львов и бегемотов, носорогов и леопардов – всех животных, знакомых нам по всевозможным зоопаркам. Именно так я себе это и представляла – гигантский парк с бесклеточным содержанием зверей, удобными домиками и хорошими дорогами. Как минимум с дорогами. На сайте говорилось «палаточный лагерь в буше», но я представляла себе большие симпатичные палатки с душем и цивилизными

туалетами. Никак не думала, что буду платить деньги за удовольствие сидеть с голой задницей за кустиком.

Ричарда отсутствие удобств ничуть не волнует. Он в таком восторге от Африки, что ничего не замечает. Мы едем, а он без усталости щелкает фотоаппаратом. Камера мистера Мацунаги, сидящего позади, издает звуки не менее интенсивно: щелчком он отвечает на щелчок, вот только объективчик у него получше. Ричард не хочет этого признавать, но стоит ему увидеть хороший объектив, как его разбирает зависть; уверена, когда мы вернемся в Лондон, он сразу полезет в Интернет, чтобы прицениться к такому объективу, как у мистера Мацунаги. Вот как сражаются современные мужчины – не копьями и мечами, а кредитными карточками. Моя платиновая бьет вашу золотую. Бедняга Эллиот со своей жалкой «минолтой» повержен в прах, но, думаю, он не особо возражает, потому что опять втиснут на заднее сиденье вместе с Вивиан и Сильвией. Оглядываюсь на эту троицу и перехватываю взгляд миссис Мацунаги. Она тоже явно покорила воле своего мужчины. Уверена, что ее представление о хорошем отдыхе тоже не включает в себя отправку нужды за кустиком.

– Львы! Львы! – кричит Ричард. – Вон там!

Камеры начинают щелкать быстрее, а мы подъезжаем так близко, что я вижу мошек, оккупировавших бок самца. Рядом с ним три самки нежатся в тени комбретума. Внезапно за моей спиной начинаются разборки по-японски, я поворачиваюсь и вижу, что мистер Мацунага вскочил на ноги. Жена схватила его за куртку, отчаянно сопротивляясь попытке мужа выскочить из машины, чтобы сделать фото получше.

– Сесть! Быстро! – Голос Джонни звучит так, что никто – ни человек, ни животное – не может послушаться. – Немедленно!

Мистер Мацунага падает на сиденье. Даже львы, кажется, испуганы, все они смотрят на механическое чудовище с восемнадцатью парами рук.

– Помните, что я говорил, Исао? – жестко произносит Джонни. – Вышли из машины – вы покойник.

– Я так возбудился, что забыл, – бормочет мистер Мацунага и склоняет голову в знак извинения.

– Слушайте, я всего лишь пытаюсь обеспечить вашу безопасность. – Джонни выпускает глубокий вздох и продолжает спокойным тоном: – Извините, что накричал. Но в прошлом году один мой коллега был на фотоохоте с двумя клиентами. Он не успел их остановить, и они выпрыгнули из машины, чтобы сделать снимки. Львы быстро бегают – они тут же оказались на месте.

– Вы хотите сказать, они их съели? – говорит Эллиот.

– Львы для этого и рождены, Эллиот. Так что прошу вас, наслаждайтесь видами, но из машины. Договорились?

Джонни издает смешок, чтобы снять напряжение, но мы все еще напуганы – стайка непослушных детишек, которым устроили головомойку. Камеры щелкают реже, снимки делаются лишь для того, чтобы скрыть одолевшее нас чувство неловкости. Мы все потрясены тем, как Джонни обрушился на мистера Мацунагу. Я смотрю в спину Джонни – она прямо передо мной, и мышцы на его щеке напряжены до предела. Он снова заводит машину. Мы оставляем львов и едем дальше, к месту следующей стоянки.

Перед заходом появляется выпивка. После пяти палатки уже расставлены, костер горит, следопыт Кларенс открывает алюминиевый ящик с напитками, который весь день трясся в багажнике машины, и вытаскивает джин и виски, водку и «Амарулу». К последнему я особенно прикипела – это сладкий ликер на основе африканского дерева марула. Вкус у него как у тысячи пьянящих калорий кофе с шоколадом – нечто такое, что любой ребенок отхлебнет незаметно, стоит только матери повернуться к нему спиной. Протягивая мне стакан, Кларенс подмигивает, словно я в этой компании самое проказливое дитя, ведь все остальные попивают взрослые напитки типа теплого джина с тоником или неразбавленного виски. Если задуматься, то понимаешь, что это часть программы пребывания в Африке: «Нет, вы посмотрите, как здесь хорошо». Хорошо, когда все неудобства дня, все насекомые и напряжение между мной и Ричардом растворяются в приятном головокружении, я могу усестись на складной стул и созерцать закат. Кларенс готовит простой ужин из тушеного мяса, хлеба и фруктов, Джонни огораживает лагерь по периметру проводом с маленькими колокольчиками, которые должны нас разбудить, если к нам забредет кто-нибудь непрошенный. На фоне заходящего солнца я вижу, как Джонни неожиданно замирает с поднятой головой, будто принюхиваясь и

воспринимая тысячи запахов, о которых я даже не подозреваю. Он словно одно из существ буша – чувствует себя как дома в этих диких местах, и я ничуть не удивлюсь, если он раскроет рот и заревет на львиный манер.

Я поворачиваюсь к Кларенсу, который помешивает мясо в котелке.

– Вы давно работаете с Джонни? – спрашиваю я.

– С Джонни? Первый раз.

– Вы прежде никогда не были у него следопытом?

Кларенс щедро сыплет перец в варево.

– Следопыт у Джонни мой двоюродный брат. Но на этой неделе Авраам в деревне на похоронах. Он просил меня заменить его.

– А что Авраам говорил о Джонни?

Кларенс усмехается, его белые зубы сверкают в сумерках.

– Ну, он рассказывает про него много историй. Много историй. Он считает, что Джонни должен был родиться тсонгой[5 - Тсонга (батсонга) – народ, живущий в Мозамбике.], потому что похож на нас. Только лицо у него белое.

– Тсонга – так называется ваше племя?

Он кивает:

– Мы из провинции Лимпопо. В Южной Африке.

– Это на языке тсонга вы иногда говорите между собой?

Он виновато смеется:

– Когда не хотим, чтобы вы поняли о чем.

Его слова звучат не очень-то лестно, мне кажется. Я смотрю на других сидящих у костра. Мистер и миссис Мацунага прилежно просматривают на камере сделанные за день фотографии. Вивиан и Сильвия сидят в своих декольтированных маечках и излучают феромоны, отчего бедный неловкий Эллиот, как обычно, рассыпается перед ними мелким бесом, пытаюсь привлечь внимание: «Вам, девчонки, не холодно? Свитеры не принести? Джин с тоником будете?»

Из нашей палатки появляется Ричард в свежей рубашке. Его ждет стул рядом со мной, но он проходит мимо. Садится подле Вивиан и начинает заливаться соловьем:

– Как вам сафари? Бываете ли вы в Лондоне? Когда выйдет роман «Блэк-джек», буду рад послать по экземпляру с автографом вам и Сильвии.

Они, конечно, знают, кто он такой. Не прошло и часа с момента знакомства, как Ричард ненавязчиво сообщил всем, что он – Ричард Ренуик, автор триллеров, создатель Джекмана Триппа, героя из МИ-5. К сожалению, никто не слышал ни о Ричарде, ни о его герое, а потому первый день сафари оказался довольно нервным. Но теперь Ричард вошел в прежнюю форму и занят тем, что у него получается лучше всего: очаровывает публику. Впрочем, мне кажется, что тут он хватил через край. Слишком уж через край. Но если я потом посетую на это, он ответит как обычно: «Милли, этим и должны заниматься писатели. Мы должны общаться, находить новых читателей». Забавно, что Ричард никогда не бывает общительным со старушками – только с молодыми. Предпочтительно с хорошенькими девушками. Помню, как он так же обаял меня четыре года назад, когда в магазине, где я работаю, ставил автографы на свою книгу «Варианты убийства». Сопротивляться Ричарду, когда он садится на любимого конька, невозможно. Он засовывает в рот сигарету «Голуаз», наклоняет голову к пламени зажигалки из чистого серебра, прикрыв ее от ветра сложенными в чашечку ладонями. Именно так, с мужской рисовкой, и делал бы его герой Джекман Трипп.

Пустой стул рядом со мной – словно черная дыра, куда затягивает всю мою радость. Я уже собираюсь удалиться в палатку, когда рядом со мной неожиданно усаживается Джонни. Он ничего не говорит, только оглядывает нас, словно оценивает. Я думаю, он постоянно нас оценивает, и мне интересно знать, что он видит, когда смотрит на меня. Похожа ли я на других отставных жен и

подружек, которых мужчины вытащили в буш, чтобы ублажить свои охотничьи фантазии?

Его взгляд приводит меня в замешательство, и я вынуждена нарушить молчание.

– Эти колокольчики по периметру действительно работают? – спрашиваю я. – Или они лишь для нас, чтобы мы чувствовали себя защищенными?

– Они служат первым сигналом тревоги.

– Прошлой ночью, когда в лагерь приходил леопард, я их не слышала.

– Я слышал. – Он подается вперед, подкидывает еще несколько веток в огонь. – Вероятно, мы услышим их снова.

– Вы думаете, тут бродят другие леопарды?

– На сей раз гиены. – Он указывает в темноту за кругом света от костра. – Они сейчас наблюдают за нами, их с полдюжины.

– Что?

Я вглядываюсь в темноту и только теперь замечаю сверкающие глаза, направленные на нас.

– Они терпеливые. Ждут, не достанутся ли им объедки. Прогуляйтесь в ту сторону – и от вас останутся одни кости. – Он пожимает плечами. – Поэтому меня и нанимают.

– Чтобы мы не достались кому-то на обед.

– Мне бы не платили, если бы я терял чересчур много клиентов.

– Слишком много – это сколько?

– Вы были бы всего лишь третьей.

– Это шутка, верно?

Он улыбается. Хотя он ровесник Ричарда, годы, прожитые под африканским солнцем, оставили у его глаз морщинки. Он успокоительно кладет ладонь на мою руку, и я вздрагиваю – ведь он не из тех людей, что без нужды прикасаются к другим.

– Да, это шутка. Я не потерял пока ни одного клиента.

– Мне трудно понять, когда вы говорите серьезно, а когда шутите.

– Вы почувствуете, когда я буду говорить серьезно. – Он поворачивается к Кларенсу, который только что сказал ему что-то на тсонга. – Ужин готов.

Я скашиваю взгляд на Ричарда – видел ли он, что Джонни говорил со мной, что положил свою руку на мою? Но нет, Ричард поглощен Вивиан, я для него как будто исчезла.

– Этим писатели и должны заниматься, – предсказуемо говорит Ричард, когда мы лежим в нашей палатке той ночью. – Я всего лишь завоевываю новых читателей. – Мы разговариваем шепотом, потому что ткань тонкая, а палатки стоят одна подле другой. – И потом, у меня к ним немного покровительственное отношение. Они тут одни, две девушки в буше. Довольно смело, когда тебе всего двадцать с небольшим, правда? За это они достойны восхищения.

– Эллиот явно ими восхищается, – замечаю я.

– Эллиот будет восхищаться всем, что имеет две X-хромосомы[б - X-хромосома – половая хромосома, у самок имеются две X-хромосомы, у самцов одна X-хромосома и одна Y-хромосома.].

– Так что они тут не совсем одни. Он отправился в это путешествие, чтобы составить им компанию.

– Они, наверное, от него уже с ума сходят. Ошивается все время рядом, смотрит на них преданными глазами.

– Эти девицы сами пригласили его. Так Эллиот говорит.

– Пригласили из жалости. Он завязал с ними знакомство в каком-то ночном клубе, узнал, что они собираются на сафари. Наверное, они сказали ему: «Слушайте, вам тоже хорошо бы подумать о путешествии в буш!» Я уверен, у них и в мыслях не было, что он за ними увяжется.

– Почему ты всегда стараешься унизить его? Он кажется довольно милым. И очень много знает о птицах.

Ричард фыркает:

– Это всегда так привлекательно в мужчине.

– Что с тобой? Откуда такое дурное настроение?

– То же самое я могу сказать и тебе. Я всего лишь разговариваю с молодой девушкой, а ты уже выходишь из себя. Девчонки, по крайней мере, умеют хорошо проводить время. Им здесь все нравится.

– Я и в самом деле пытаюсь наслаждаться жизнью. Просто я не думала, что здесь будут такие суровые условия. Я ожидала...

– Махровые одеяла и шоколадки на подушке.

– Но тем не менее я ведь здесь, разве не так?

– И каждый день я слышу от тебя одни жалобы. Я мечтал об этом сафари, Милли. Не надо мне портить впечатление от него.

Мы уже перешли на повышенные тона, и другие нас наверняка слышат, если еще не уснули. Я знаю, что Джонни не спит, потому что у него первое дежурство. Я представляю себе, как он сидит у костра и прислушивается к нашим голосам, к растущему напряжению в них. Конечно же, он в курсе нашей

ссоры. Джонни Постьюмус из тех людей, мимо которых ничто не проходит, поэтому-то он и остается на своем месте, где человеческая жизнь зависит от того, насколько чуткое у тебя ухо, уловит ли оно звон колокольчика. Какими бесполезными, пустыми людишками мы, вероятно, ему кажемся. Сколько он видел распавшихся браков, сколько заносчивых людей было унижено Африкой? Буш – это не просто пункт назначения для отпускников. Это место, где ты узнаешь, что ты за букашка.

– Извини, – шепчу я и нахожу руку Ричарда. – Не хочу портить тебе сафари.

Он не отвечает на пожатие. Его рука в моей словно мертвая.

– Ты все время портишь мне настроение. Я знаю, это путешествие не отвечает твоим представлениям об отпуске, но прошу тебя, бога ради, хватит этого постного выражения на лице. Посмотри, как радуются жизни Сильвия и Вивиан! Даже миссис Мацунага не показывает вида, что ей не все по вкусу.

– Может, это из-за противомалерийных таблеток, что я принимаю, – пытаюсь оправдаться я. – Доктор сказал, они способствуют депрессии. Он говорил, что некоторые даже с ума от них сходят.

– Меня вот мефлохин ничуть не беспокоит. Девушки его тоже принимают, и заметь, всегда веселы.

Опять девушки. Вечно он сравнивает меня с этими девушками, которые на девять лет моложе меня, на девять лет стройнее и свежее. Если женщина четыре года делит с мужчиной одну квартиру, пользуется одним с ним туалетом, то как она все еще может казаться свежей?

– Мне нужно перестать принимать таблетки, – говорю я ему.

– И что, заболеть малярией? Очень умно!

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? Ричард, скажи, чего ты хочешь?

– Я не знаю.

Он вздыхает и отворачивается от меня. Его спина как холодный бетон, стена, за которой спрятано его сердце, и мне теперь до него не дотянуться. Через несколько секунд он говорит тихим голосом:

– Не знаю, куда мы движемся, Милли.

Но я знаю, куда движется Ричард. Он удаляется от меня. Вот уже несколько месяцев он удаляется от меня. Потихоньку, постепенно. Правда, до сего дня я отказывалась замечать это. Списывала на счет того, что мы оба слишком заняты в последнее время. Он продирался через редактуру своего «Блэк-джека». Я с трудом пыталась закончить годовой переучет в магазине. Наши отношения наладятся, когда минует этот трудный этап. Я все время убеждала себя в этом.

За стенками нашей палатки ночь живет звуками дельты. Наш лагерь находится близ реки, где мы недавно видели бегемотов. Кажется, я слышу их сейчас вместе с кваканьем, криками и хрюканьем бесчисленных других животных.

Но в нашей палатке царит только тишина.

Вот, значит, куда уезжает умирать любовь. В палатку, в африканский буш. Находишься мы сейчас в Лондоне, я бы поднялась, оделась и отправилась к подружке за бренди и сочувствием. Но тут я в палатке, словно в ловушке, в окружении тварей, жаждущих меня сожрать. От одного лишь ощущения закрытого пространства мне отчаянно хочется выбраться наружу и с криком броситься в ночь. Вероятно, противомаларийные таблетки разрушают мой мозг. Я хочу, чтобы дело было в таблетках, потому что тогда я тут ни при чем и надежда остается. Нет, я правда должна перестать их принимать.

Ричард спит как мертвый. Как он может спать и мирно похрапывать, когда я с ума схожу? Я слушаю, как он посапывает, очень ровно, расслабленно. Этот звук свидетельствует о том, что я ему безразлична.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, он все еще крепко спит. Сквозь швы в палатке начинают просачиваться робкие лучи рассвета, а я с ужасом думаю о предстоящем дне. Снова придется испытывать неловкость в машине, где мы сидим бок о бок, стараясь быть вежливыми друг с другом. Снова придется лупить себя, убивая комаров, и присаживаться за кустиками. Снова придется наблюдать за тем, как Ричард флиртует, и чувствовать, как у тебя разрывается

сердце. По-моему, хуже отпуска и придумать было нельзя.

А потом я слышу женский визг.

2

Бостон

Эту новость принес почтальон. Четверть двенадцатого утра, неуверенный голос в сотовом телефоне: «Я на Сэнборн-авеню в Уэст-Роксбери, ноль-два-один-три-два. Собака... я видел собаку в окне...» Вот так об этом и стало известно бостонской полиции. Целая серия событий, толчок которым дал бдительный почтальон, один из армии рядовых сотрудников, работающих по шесть дней в неделю повсюду в Америке. Они являют собой глаза народа, и иногда только они замечают, какая из пожилых вдов не вытащила письмо из ящика, какой старый холостяк не ответил на звонок в дверь и на каком крыльце скопилась кипа желтеющих газет.

Первым свидетельством того, что в большом доме на Сэнборн-авеню, почтовый код 02132, что-то случилось, стал переполненный почтовый ящик – именно это и заметил на второй день разносчик почты Луис Мунис. Скопившаяся за два дня в ящике почта сама по себе еще не была поводом для тревоги. Люди, случается, уезжают на выходные. Случается, они забывают позвонить на почту и попросить задержать доставку на день-другой.

Но на третий день Мунис беспокоился.

Когда Мунис открыл ящик на четвертый день и обнаружил, что тот все еще набит каталогами и счетами, ему стало ясно: пора действовать.

– И вот он стучит в парадную дверь, – сказал патрульный Гэри Рут. – Никто не отвечает. Он собирается поговорить с соседкой, узнать, не известно ли ей чего. Потом заглядывает в окно и видит собаку.

– Вон ту собаку? – спросила детектив Джейн Риццоли, указывая на мирного с виду золотистого ретривера, привязанного к почтовому ящику.

– Да, это он. Согласно бирке на ошейнике, его зовут Бруно. Я вывел его из дома, а то он там еще... – Патрульный проглотил слюну. – Наделает дел.

– А почтальон? Он где?

– Отпросился на остаток дня. Наверно, захотел выпить чего покрепче. У меня есть контактная информация, но он вряд ли скажет больше, чем сказал я. В дом он не заходил. Сразу позвонил девять-один-один. Я приехал первым. Парадная дверь оказалась незапертой. Я вошел и... – Он покачал головой. – Лучше бы не заходил.

– Говорили с кем-нибудь еще?

– С соседкой – милая такая дама. Она вышла, когда увидела полицейские машины. Хотела узнать, что происходит. Я ей сказал только, что ее сосед мертв.

Джейн повернулась лицом к дому, где несколько дней провел мирный пес Бруно. Это был старый двухэтажный дом на одну семью, с крыльцом, гаражом на две машины и высокими деревьями перед фасадом. Дверь в гараж была закрыта, а черный «форд-эксплорер», зарегистрированный на владельца дома, припаркован на подъездной дорожке. Сегодня утром ничто не отличало бы это жилище от других ухоженных домов на Сэнборн-авеню, ничто не привлекло бы внимания полицейского и не заставило бы подумать: «Постой-ка, что-то тут не так». Но теперь у тротуара стояли две полицейские машины, мигали проблесковые маячки, и любому прохожему было очевидно: да, что-то здесь не так, очень даже не так. И с этим «что-то» уже готовы были разбираться Джейн и ее напарник Барри Фрост. На другой стороне улицы собралась толпа соседей, они стояли и глазели на дом. Заметил ли кто-либо из них, что хозяин не появлялся вот уже несколько дней, не выгуливал собаку, не вынимал почту из ящика? Теперь они, вероятно, говорили друг другу: «Да, я знал – что-то тут не так». Все крепки задним умом.

– Проводите нас в дом? – спросил Фрост у патрульного Рута.

– Знаете что? – сказал Рут. – Я бы предпочел этого не делать. У меня только сейчас запах в носу прошел, и мне не хотелось бы снова этим дышать.

Фрост сглотнул:

– Что, такой сильный дух?

– Я пробыл там секунд тридцать максимум. Мой напарник продержался и того меньше. Там нет ничего такого, на что мне нужно было бы обратить ваше внимание. Вы сами все увидите. – Он посмотрел на золотистого ретривера, и тот ответил игривым лаем. – Бедняга, проторчал там столько времени без еды. Я знаю, выбора у него не было, но все же...

Джейн взглянула на Фроста, который уставился на дом, как осужденный преступник на виселицу.

– Что ты ел на завтрак? – спросила она его.

– Сэндвич с индейкой. Чипсы.

– Надеюсь, тебе понравилось.

– На пользу мне это не пойдет, Риццоли.

Они поднялись по ступеням крыльца и остановились надеть перчатки и бахилы.

– Знаешь, – сказала Джейн, – есть такие таблетки, называются компазин.

– Ну?

– Хорошо помогает при утренней тошноте.

– Отлично. Буду иметь в виду, когда забеременею.

Они взглянули друг на друга и вдохнули поглубже. Последний глоток чистого воздуха. Рукой в перчатке Джейн открыла дверь, и они вошли внутрь. Фрост

попытался зажать нос и не пустить туда запах, с которым они были слишком хорошо знакомы. Как его ни называй – кадаверином, или путресцином, или каким другим ученым названием, все сводилось к одному: тошнотворному запаху смерти. Но не запах заставил Джейн и Фроста остановиться у входа, а то, что висело на стенах.

Со всех сторон на них смотрели мертвые глаза. Новых пришельцев встречала целая галерея мертвецов.

– Господи Иисусе, – пробормотал Фрост. – Он что, охотник на крупную дичь?

– Да, это уж точно крупная дичь, – сказала Джейн, глядя на висящую на стене голову носорога и спрашивая себя, какая же пуля могла свалить такого зверя. Или африканского буйвола по соседству. Джейн медленно прошла мимо ряда трофеев, шаркая бахилами по дощатому полу. Головы зверей смотрели на нее, словно живые. Такие живые, что казалось – вот-вот раздастся львиный рык. – А это законно? Кто в наши дни стреляет в леопардов, черт побери?

– Слушай, пес не единственное домашнее животное здесь.

На деревянном полу виднелись рыжевато-коричневые отпечатки разных лап. Самые крупные, видимо, принадлежали золотистому ретриверу Бруно, но по всей комнате были также следы меньших размеров. Детективы увидели коричневые грязные пятна на подоконнике в том месте, куда поставил свои передние лапы пес Бруно и где его заметил почтальон. Но набрать 911 Луиса Муниса заставил не вид собаки в окне, а скорее то, что торчало из собачьей пасти.

Человеческий палец.

Джейн и Фрост двинулись по следам лап под взглядом стеклянных глаз зебры, льва, гиены и бородавочника. Этот коллекционер не брезговал никакими тварями – даже мелкие животные находили на стене свое унижительное место, включая и четырех мышей, расположившихся с четырьмя фарфоровыми чашечками вокруг миниатюрного стола. Безумное чаепитие Болванщика[7 - Имеется в виду персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».]

Когда они прошли через гостиную в коридор, запах разложения усилился. Еще не видя его источника, Джейн слышала зловещее гудение любителей такого душка. Жирная муха с жужжанием описала несколько неторопливых кругов над головой Джейн и вылетела в дверь.

«Всегда следуй за мухами. Они знают, где подают обед».

Дверь была приоткрыта. Когда Джейн распахнула ее пошире, изнутри выскочило что-то белое и проскочило мимо ее ног.

– Черт возьми! – завопил Фрост.

Чувствуя, как колотится сердце, Джейн оглянулась на пару глаз, сверкнувших на нее из-под дивана в гостиной.

– Это всего лишь кот. – Она облегченно хохотнула. – Вот тебе и объяснение меньших следов.

– Постой-ка, слышишь? – спросил Фрост. – Кажется, тут еще один кот.

Джейн вздохнула и шагнула через порог в гараж, примыкающий к дому. Откуда-то прибежал серый полосатый кот и принялся тереться шелковистыми боками о ноги Джейн, но та не обратила на него внимания. Ее взгляд был прикован к тому, что свисало с потолка. Мух здесь было столько, что их жужжание отдавалось у нее в костях. Они роились вокруг своего зловонного лакомства, которое для их удобства было вскрыто, и плоть, кишевшая теперь личинками, оказалась выставлена напоказ.

Фрост отпрянул, подавляя приступ тошноты.

Обнаженный человек висел головой вниз, его щиколотки были связаны оранжевой нейлоновой веревкой. Как у свиной туши на бойне, его живот был вспорот, все органы вывернуты. Обе руки болтались свободно, и пальцы почти касались бы пола, если бы они все еще оставались на месте. Если бы голод не заставил ретривера Бруно (а может быть, и котов) начать обгрызать плоть хозяина.

– Теперь нам известно, откуда взялся этот палец, – сказал Фрост; голос его звучал приглушенно из-за рукава. – Господи боже, ничего хуже и в страшном сне не приснится – чтобы тебя сожрал твой собственный кот...

То, что было подвешено с помощью лебедки, вполне могло сойти за еду для трех голодных домашних питомцев. Они уже отгрызли пальцы, а с лица содрали столько кожи, мяса и хрящей, что одна глазная орбита смотрела на мир белой костью: из-под разодранной плоти выглядывало надбровье. Лицо было изгрызено до неузнаваемости, но карикатурно вспухшие гениталии не оставляли сомнений в том, что это мужчина. Пожилой мужчина, судя по серебристым волосам на лобке.

– Подвешен и разделан, как дичь, – произнес голос за спиной у Джейн.

Она вздрогнула, повернулась и увидела в дверях доктора Мауру Айлз. Даже в таком месте, где произошло изощренное убийство, Маура умудрялась выглядеть элегантно, ее черные волосы были гладкими, как блестящий шлем, а серая куртка и брюки отлично сидели на стройной фигуре. В ее присутствии Джейн чувствовала себя бедной родственницей с растрепанными волосами и в обшарпанных туфлях. Маура не затыкала нос, она прошла прямо к телу, не обращая внимания на мух, которые пикировали ей на голову.

– Это очень неприятно, – сказала она.

– Неприятно? – фыркнула Джейн. – А я-то думала, это полный абзац.

Серый кот отошел от Джейн к Мауре и принялся тереться теперь о ее ноги и громко урчать. Вот вам и вся кошачья преданность.

Маура, не отрывая глаз от тела, оттолкнула кота ногой.

– Брюшные и торакальные органы отсутствуют. Рассечение сделано очень решительно – от лобковой кости до мечевидного отростка. Так поступает охотник, убив оленя или кабана. Подвешивает, потрошит и оставляет для вызревания. – Она посмотрела на трос лебедки. – А это похоже на устройство для подвешивания охотничьей добычи. Дом явно принадлежит охотнику.

– Этим охотник тоже мог пользоваться, – сказал Фрост.

Он показал на гаражный верстак, где на магнитном стеллаже крепилось с дюжину охотничьих ножей. Все они казались чистыми, лезвия сверкали. Джейн уставилась на обвалочный нож. Представила, как острое лезвие входит в плоть, словно в масло.

– Странно, – заметила Маура, глядя на туловище. – Непохоже, чтобы эти раны были нанесены ножом. – Она показала на три разреза, раскромсавшие грудную клетку. – Они идеально параллельны, словно лезвия были соединены.

– Напоминает следы когтей, – сказал Фрост. – Это не могли сделать животные?

– Кошка или собака не сумели бы нанести такие глубокие раны. Думаю, это посмертные ранения, кровотечение минимальное... – Маура выпрямилась, посмотрела на пол. – Если его кромсали здесь, то кровь, вероятно, смыли. Видите дренажное отверстие? Если он подвешивал здесь туши для вызревания, то ему требовался дренаж.

– А что насчет вызревания? Я никогда не понимал, зачем подвешивают мясо, – сказал Фрост.

– Посмертные энзимы действуют как естественный молоток для отбивания мяса, но обычно это делается при температуре чуть выше точки замерзания. А здесь у нас градусов десять, да? Достаточно для разложения. И появления личинок. Хорошо, что сейчас ноябрь. В августе запах был бы сильнее. – Маура взяла пинцет и ухватила одну из личинок, положила на руку в перчатке и принялась разглядывать. – Похоже, у них третья возрастная стадия. Значит, смерть наступила около четырех дней назад.

– Столько голов на стенах гостиной, и хозяин кончает, как одно из убитых им животных, – сказала Джейн. – По-моему, тут есть о чем задуматься.

– Убитый – хозяин дома? Его личность уже установлена?

– При отсутствии рук и лица установить личность трудновато. Но возраст вроде бы совпадает. По документам, владелец дома – Леон Готт, шестидесяти четырех

лет. Разведен, жил один.

– Но, умирая, он явно был не один, – сказала Маура, разглядывая вскрытое туловище, ставшее теперь всего лишь пустой оболочкой. – Где они? – спросила она, неожиданно поворачиваясь к Джейн. – Убийца повесил здесь тело. А что он сделал с внутренними органами?

Несколько секунд в гараже раздавалось лишь жужжание мух, пока Джейн припоминала все страшные истории о похищенных органах. Потом она заметила в дальнем углу мусорный бачок. Она приблизилась к нему, и запах разложения стал еще сильнее, мухи кружили вокруг бачка голодным роем. Скривившись, Джейн приподняла крышку. Один быстрый взгляд – и вонь разложения заставила ее отшатнуться, к горлу подступила тошнота.

– Насколько я понимаю, ты их нашла, – сказала Маура.

– Да, – пробормотала Джейн. – По крайней мере, кишки. Что касается полного описания, то это я доверю тебе.

– Отлично.

– О да, ты получишь массу удовольствия.

– Нет, я говорю о том, что преступник отлично знал дело. Рассечение. Внутренние органы.

Похрустывая бумажными бахилами, Маура подошла к мусорному бачку. Джейн и Фрост отпрянули, когда Маура сняла крышку, но даже в противоположном конце гаража они почувствовали страшную, выворачивающую наизнанку вонь гниющих органов. Этот запах явно понравился серому коту, который принялся еще энергичнее тереться о ноги Мауры и мяукать, привлекая ее внимание.

– Смотри-ка, ты обзавелась новым другом, – заметила Джейн.

– Типичное кошачье поведение. Он объявляет меня своей территорией, – объяснила Маура, запуская руку в перчатке в мусорный бачок.

– Я знаю твою дотошность, Маура, – сказала Джейн. – Но может, лучше разбираться со всем этим в морге? В какой-нибудь биозащищенной комнате?

– Мне нужно удостовериться...

– В чем? Ты и так нюхом знаешь, что они там.

К отвращению Джейн, Маура склонилась над бачком и еще глубже погрузила руку в груды кишок. В морге Джейн нередко видела, как Маура рассекала тела, снимала скальпы, состругивала плоть с костей, спиливала черепные кости, делая все это с точностью лазера. Точно такая же сосредоточенность появилась на лице Мауры, когда она копалась в сгустившейся массе в мусорном бачке, не обращая внимания на мух, ползающих по ее модно подстриженным темным волосам. Кто еще, кроме нее, мог бы с таким изяществом делать нечто столь отвратительное?

– Да брось, не делай вид, будто в первый раз видишь кишки, – сказала Джейн.

Маура запустила руку еще глубже.

– Ладно. – Джейн вздохнула. – Мы тебе для этого не нужны. Мы с Фростом проверим остальную часть...

– Тут слишком много, – пробормотала Маура.

– Слишком много чего?

– Это ненормальный объем внутренних органов.

– Ты же сама вечно говоришь о бактериальных газах. О разбухании.

– Разбуханием этого не объяснить.

Маура выпрямилась, и при виде предмета в ее руке Джейн поежилась:

– Сердце?

– Это не нормальное сердце, Джейн, – сказала Маура. – Да, тут четыре камеры, но вот эта аортальная дуга необычная. И у больших сосудов тоже необычный вид.

– Леону Готту было шестьдесят четыре, – заметил Фрост. – Может, у него было больное сердце.

– В том-то и проблема. Это не похоже на сердце шестидесятичетырехлетнего человека. – Маура снова наклонилась к мусорному баку. – А вот это похоже, – сказала она, поднимая другую руку.

Джейн застыла, переводя взгляд с одного предмета на другой.

– Постой-ка. Там что, два сердца?

– И два полных комплекта легких.

Джейн и Фрост уставились друг на друга.

– Черт возьми, – пробормотал Фрост.

3

Фрост принялся обыскивать нижний этаж, а Джейн – верхний. Они методично обходили комнату за комнатой, открывали кладовки и шкафы, заглядывали под кровати. Нигде не обнаружилось ни выпотрошенных тел, ни следов борьбы, но всюду было множество комков пыли и кошачьей шерсти. Мистер Готт – если только это и в самом деле он висел в гараже – был неважным хозяином, и на его прикроватной тумбочке валялись бухгалтерские документы магазина строительных товаров, батарейки для слухового устройства, бумажник с тремя кредитками и сорок восемь долларов наличными, а также три непонятно почему оказавшиеся здесь пули. А это свидетельствовало о том, что мистер Готт был более чем небрежен в обращении с огнестрельным оружием. Джейн не удивилась, когда, открыв ящик прикроватной тумбочки, увидела там готовый к стрельбе пистолет «глок» с полным магазином и досланным в патронник

патроном. Нет ничего лучше для страдающего паранойей хозяина дома.

Плохо лишь то, что пистолет находился наверху, пока хозяина потрошили внизу.

В ванной обнаружился целый набор лекарств, какие могут понадобиться шестидесятичетырехлетнему мужчине. Аспирин и ибупрофен, аторвастатин и метопролол. На кухонном столе лежал дорожный слуховой прибор. Вероятно, сняв его, хозяин и не смог услышать, как в дом вошел посторонний.

Джейн начала спускаться по лестнице, и тут зазвонил телефон в гостиной. Когда она подошла к нему, уже включился автоответчик, и она услышала мужской голос, наговаривающий сообщение:

«Привет, Леон, ты так и не позвонил насчет поездки в Колорадо. Дай знать, если хочешь присоединиться. Хорошо проведем время».

Джейн хотела было проиграть сообщение еще раз и увидеть номер звонившего, но тут заметила, что клавиша «Воспроизведение» замазана чем-то вроде крови. Судя по мигающему диоду, на автоответчике было наговорено два послания, второе из которых она только что прослушала.

«Третье ноября, девять часов пятнадцать минут:...и если вы позвоните немедленно, мы сможем понизить ставку по вашей кредитной карте. Не упустите эту возможность, воспользуйтесь нашим особым предложением».

«Шестое ноября, четырнадцать часов: Привет, Леон, ты так и не позвонил насчет поездки в Колорадо. Дай знать, если хочешь присоединиться. Хорошо проведем время».

Третье ноября было понедельником, сегодня – четверг. Первое послание так и оставалось на автоответчике непрослушанным, потому что в девять утра понедельника Леон Готт был уже, вероятно, мертв.

– Джейн? – позвала Маура.

Серый кот следовал за ней, выписывая восьмерки вокруг ног.

– На автоответчике кровь, – сказала Джейн, поворачиваясь к Мауре. – Зачем бы преступнику к нему прикоснуться? Зачем ему понадобилось слушать, что записано?

– Пойдем посмотрим, что Фрост нашел на заднем дворе.

Джейн последовала за ней в кухню, а оттуда – на задний двор, где не было ничего, кроме травы с проплешинами да сооружения, обитого металлическим сайдингом. Сооружение было слишком велико, а потому его вряд ли использовали просто как склад – в просторном строении без окон могло скрываться сколько угодно ужасов. Войдя внутрь, Джейн ощутила какой-то химический запах с резким спиртовым душком. Лампы дневного света заливали все внутри холодным, больничным сиянием.

Фрост стоял рядом с большим рабочим столом, разглядывая лежащий на нем инструмент устрашающего вида.

– Поначалу я подумал, что это циркулярная пила, – сказал он. – Но что-то эта штука не похожа ни на одну пилу, какие я видел. А те шкафы? – Он показал на стену по другую сторону стола. – Посмотри, что там внутри.

Сквозь стеклянные дверцы шкафов Джейн увидела коробки с резиновыми перчатками и какие-то пугающие инструменты, разложенные на полках. Скальпели и ножи, зонды, щипцы и пинцеты. Хирургические инструменты. На стене висели резиновые передники, забрызганные чем-то похожим на кровь. Джейн пробрала дрожь, она повернулась и уставилась на фанерный рабочий стол с изборозжденной зазубринами и порезами поверхностью, на которой лежал комок окаменевшего сырого мяса.

– Ну все, – пробормотала Джейн. – Я сейчас с ума сойду.

– Похоже на мастерскую серийного убийцы, – сказал Фрост. – А на столе он рассекал и шинковал трупы.

В углу стояла пятидесятигаллонная бочка, подсоединенная к электромотору.

– Это что еще за хреновина? – спросила Джейн.

Фрост покачал головой:

– Емкость достаточно большая, чтобы вместить...

Джейн подошла к бочке. Остановилась, увидев красные брызги на полу. Красные потеки на крышке.

– Тут кровь повсюду.

– А что внутри бочки? – спросила Маура.

Джейн изо всех сил потянула крепежный болт.

– А за дверью номер два у нас... – Она заглянула внутрь. – Опилки.

– И все?

Джейн залезла рукой в бочку, сунула руку в опилки, подняла облачко пыли:

– Одни опилки.

– Значит, у нас по-прежнему отсутствует второй труп, – сказал Фрост.

Маура подошла к жутковатому инструменту, который Фрост поначалу принял за циркулярную пилу. Пока она изучала режущий элемент, кот, следовавший за ней, терся о ноги, никак не хотел ее оставлять.

– Вы хорошо рассмотрели эту штуку, детектив Фрост?

– Только в той степени, в какой мне было нужно.

– Вы обратили внимание, что режущая кромка загнута? Инструмент явно не предназначен для распила.

Джейн подошла к Мауре и опасливо прикоснулась к режущей кромке:

– У этой штуки такой вид – в клочья может разодрать.

– Похоже, для этого-то она и предназначена. Я думаю, это инструмент мездрильщика. Он не для нарезки, а для удаления мяса.

– Что, разве выпускают такие машинки?

Маура подошла к двери в кладовку и открыла ее. Внутри стоял ряд чего-то похожего на банки с красками. Маура взяла один большой контейнер, покрутила его в руках, нашла надпись:

– Шпатлевка.

– Автомобильный продукт? – спросила Джейн, увидев на этикетке изображение машины.

– Тут написано, что это наполнитель при кузовных работах. Для ремонта вмятин и царапин.

Маура поставила банку назад на полку. В сопровождении серого кота она подошла к шкафу и через стеклянную дверцу оглядела ножи и зонды, разложенные как набор хирургических инструментов.

– Кажется, я знаю, для чего использовалось это помещение. – Она посмотрела на Джейн. – Я вот что думаю про второй комплект внутренностей в мусорном баке. Наверное, это не человеческие внутренности.

– Леон Готт был нехорошим человеком. И это еще мягко говоря, – сказала Нора Базариан, отирая с губ своего годовалого сына остатки тертой морковки со сметаной.

В выцветших джинсах, облегающей футболке, со светлыми волосами, собранными сзади в хвостик, она больше походила на подростка, чем на тридцатитрехлетнюю мать двоих детей. Она умело, как и многие матери, делала несколько дел сразу: ловко отправляла ложку с морковкой в открытый рот сына, загружала посудомойку, проверяла готовность кекса в духовке и отвечала на

вопросы Джейн. Она ни секунды не сидела без дела – неудивительно, что талия у женщины была осиная.

– Знаете, что он кричал моему шестилетнему сыну? – продолжала Нора. – «Убирайся с моего газона!» Я думала, он просто взбалмошный старикашка, но он и в самом деле сказал это моему мальчику. А Тимми всего лишь зашел на его участок погладить пса. – Нора захлопнула дверцу посудомойки. – Бруно и то воспитан лучше, чем его хозяин.

– Вы давно знакомы с мистером Готтом? – спросила Джейн.

– Мы переехали в этот дом шесть лет назад, сразу после рождения Тимми. Думали, что это идеальный район для детей. Вы видели, какие здесь ухоженные дворы. И много других семей, у которых дети возраста Тимми. – Она с изяществом танцовщицы развернулась, взяла кофейник и снова наполнила чашку Джейн. – Через несколько дней после переезда я угостила Леона шоколадным тортом – просто зашла познакомиться. Но он даже спасибо не сказал, пробормотал, что не ест сладкого, и вернул тарелку. Потом он ругался, говорил, что новорожденный слишком много плачет и почему это я не могу обеспечить тишину по ночам. Вы можете себе такое представить? – Она села и положила еще одну ложку морковки в рот малыша. – Ко всему прочему, у него на стене висели эти мертвые животные.

– Значит, вы бывали у него в доме?

– Только раз. Он с такой гордостью говорил, что сам убил большинство из них. Это каким же нужно быть человеком, чтобы убивать животных ради украшения стен у себя в доме? – Она отерла морковную жижу с подбородка ребенка. – Вот тогда я и решила, что мы должны держаться от него подальше. Верно я говорю, Сэм? – проворковала она. – Держаться подальше от нехорошего дяди.

– Когда вы в последний раз видели мистера Готта?

– Я уже говорила полицейскому Руту. В последний раз я видела Леона в выходные.

– В какой именно день?

– В воскресенье утром. Видела его на подъездной дорожке. Он нес в дом покупки.

– Не заметили, кто-нибудь к нему в тот день заезжал?

– Большую часть дня меня не было. Муж на неделю укатил в Калифорнию, поэтому я с детьми уехала к маме в Фалмут. И в тот день мы вернулись поздно.

– В какое время?

– Около половины десятого, десяти.

– А вечером вы не слышали ничего необычного по соседству? Крики? Громкие голоса?

Нора положила ложку и, нахмурившись, посмотрела на Джейн. Младенец издал голодный писк, однако Нора проигнорировала его. Разговор с Джейн полностью поглотил ее.

– Я думала... когда полицейский Рут сказал, что нашли Леона и что он висит в гараже... я решила, что это самоубийство.

– К несчастью, это убийство.

– Вы уверены? Совершенно точно?

«О да, совершенно точно».

– Миссис Базариан, если бы вы могли вспомнить тот воскресный вечер...

– Мой муж вернется только в понедельник, я тут с детьми одна. Мы в безопасности?

– Расскажите мне о воскресном вечере.

– Мои дети в безопасности?

Для любой матери это вопрос первостепенной важности. Джейн подумала о собственной трехлетней дочери Реджине. Подумала, что сама чувствовала бы на месте Норы Базариан, оказавшейся с двумя маленькими детьми в такой близости от места, где произошло убийство. И что бы она предпочла: успокоительные слова или истину, состоявшую в том, что ответа на вопрос у Джейн не было. Она никому не могла обещать безопасности.

– Пока мы не узнаем больше, я бы рекомендовала вам принять меры предосторожности, – сказала Джейн.

– А что вы уже знаете?

– Мы считаем, что это случилось в воскресенье вечером.

– И он все это время был мертв, – пробормотала Нора. – В соседнем доме. А я и понятия не имела.

– Так вы видели или слышали что-нибудь в воскресенье вечером?

– Сами посмотрите – у него высокий забор вокруг двора, так что мы никогда не знали, что там происходит. Разве что когда он работал у себя в мастерской и оттуда доносился этот жуткий шум.

– А что за шум?

– Такой ужасный визг, как от механической пилы. Представить только, он еще жаловался, что у меня ребенок плачет!

Джейн вспомнила о слуховом приборе Готта в ванной комнате. Если в воскресенье вечером он работал с шумной техникой, то наверняка снял слуховой прибор. Еще одна причина, по которой он не смог услышать приход незваного гостя.

– Вы сказали, что в воскресенье приехали поздно. А свет в доме у мистера Готта горел?

Норе даже вспоминать не нужно было.

– Да, горел, – ответила она. – Я еще помню, что разозлилась, потому что лампа на его сарае в заднем дворе светит прямо мне в спальню. Но когда я легла в постель около половины одиннадцатого, свет наконец выключили.

– А собака? Она не лаяла?

– А, Бруно. Ну, он всегда лает, в том-то и проблема. Он, наверное, и на мух лает.

«А мух там теперь хватает», – подумала Джейн. И кстати, в этот момент Бруно тоже лаял. Не тревожно, а от собачьего возбуждения: слишком много посторонних было во дворе.

Нора повернулась на звук лая:

– Что теперь будет с псом?

– Не знаю. Наверно, придется найти кого-нибудь, кто бы его взял. И кошек тоже.

– Кошек я не очень люблю, но собаку могла бы взять. Бруно нас знает, и он дружит с моими мальчиками. Мне было бы спокойнее с собакой.

Возможно, она изменила бы мнение, если б знала, что в желудке у Бруно кусочки плоти его хозяина.

– Вы не в курсе, у мистера Готта были близкие родственники? – спросила Джейн.

– У него был сын, но он умер несколько лет назад во время заграничного путешествия. С женой мистер Готт развелся, а потом она умерла. И я никогда не видела там женщины. – Нора покачала головой. – Ужасно, если подумать. Он был мертв четыре дня, и никто даже не заметил. Насколько же этот человек был одинок.

Через кухонное окно Джейн увидела Мауру – та вышла из дома Готта и остановилась на дорожке, проверяя сообщения на своем сотовом. Маура, как и Готт, жила в одиночестве и даже сейчас, стоя там, казалась одинокой как перст.

Если предоставить ее самой себе, не эволюционирует ли Маура в один прекрасный день в еще одного Леона Готта?

Приехала труповозка, и первые телевизионные команды уже искали место получше за пределами полицейской ленты. Но сегодня, когда все эти полицейские, криминалисты и репортеры уедут, полицейская лента останется, обозначая дом, где побывал убийца. И здесь же, совсем рядом, останется мать с двумя детьми.

– Это ведь было не случайное убийство, да? – спросила Нора. – Это сделал кто-то, кто его знал? С кем, по-вашему, вы имеете дело?

«С чудовищем», – подумала Джейн, убирая в сумку ручку и блокнот и вставая.

– Я смотрю, у вас имеется система безопасности, мэм, – сказала она. – Задействуйте ее.

4

Маура принесла коробку из машины в дом и поставила на пол в кухне. Серый кот жалобно мяукал, просил, чтобы его выпустили, но Маура сначала принялась копаться у себя в кладовке в поисках еды, подходящей для кошки. У нее не было возможности остановиться возле магазина и купить еды для серого кота, которого она импульсивно взяла с собой, потому что никто другой не хотел этого делать и единственной альтернативой был приют для животных.

А еще потому, что кот, практически прилипший к ее ноге, явно сам выбрал ее в приемные хозяйки.

В кладовке Маура нашла пакет с сухой собачьей едой, оставшейся после прошлого приезда Джулиана с его псом Медведем. Будет ли кот это есть? Она не была уверена и взяла вместо готового корма банку сардин.

Когда Маура открыла банку и воздух наполнился рыбным запахом, вопли кота стали душераздирающими. Маура вывалила сардины в пиалу и открыла коробку.

Кот выпрыгнул наружу и с такой яростью набросился на рыбу, что пиала поехала по плиткам пола.

– Ну что, сардины повкуснее человечинки?

Она погладила кота, и тот от удовольствия поднял хвост трубой. У Мауры никогда не было ни кота, ни желания обзавестись каким-либо домашним животным, если не считать краткого и бесконечно трагического опыта владения сиамскими бойцовскими рыбками. Она не была уверена, что и этот кот ей нужен, но вот он здесь, у нее, урчит, как навесной лодочный мотор, вылизывая фарфоровую пиалу, ту самую, из которой она ела сухие завтраки. Ее вдруг обеспокоило это. Кот-людоед. Перекрестное заражение. Маура вспомнила все болезни, носителями которых являются кошки. Заражение от кошачьих царапин. Токсоплазмоз. Кошачья лейкемия. Бешенство, аскариды и сальмонелла. Инфекций у кошачьих не меньше, чем в выгребной яме. И теперь один из представителей этого вида жрет из пиалы Мауры.

Кот доел последний кусочек сардины и посмотрел на Мауру ясными зелеными глазами. Взгляд у него был такой внимательный – казалось, он читает ее мысли, признает в ней родственную душу. «Вот так и появляются тетки, помешанные на кошечках, – подумала она. – Заглядывают в кошачьи глаза и думают, что оттуда на них смотрит душа». Что видел этот кот, глядя на Мауру? Представителя рода человеческого с консервным ножом.

– Если бы только ты мог говорить, – сказала она. – Рассказал бы нам, что видел.

Но котяра хранил свои секреты. Он позволил Мауре погладить его еще немного, после чего неторопливо прошествовал в угол и принялся вылизываться. Вот и вся кошачья любовь. «Накорми меня и оставь в покое». Может быть, он и в самом деле был для нее идеальным домашним животным: оба одиночки, непригодные для долгого сосуществования с кем-либо.

Поскольку кот ее игнорировал, Маура решила ответить ему тем же и занялась собственным обедом. Она сунула в духовку кастрюльку с остатками баклажанов, запеченных с пармезаном, налила в стакан «пино нуар» и села перед ноутбуком, чтобы загрузить фотографии с места преступления. На экране она снова увидела выпотрошенное тело, лицо с выеденной до костей плотью, личинок падальных мух, объедающих человечину, и во всех подробностях вспомнила

запахи этого дома, жужжание мух. Завтра ей предстоит не самое приятное вскрытие. Маура медленно просматривала изображения в поисках деталей, которые, возможно, упустила на месте, где ее отвлекало шумное присутствие полицейских и криминалистов. Она не заметила ничего такого, что не отвечало бы ее предварительной оценке: этот человек был мертв уже четыре или пять дней. Обширные повреждения лица, шеи и верхних конечностей, вероятно, объяснялись голодом хищников. «То есть твоим голодом», – подумала она, посмотрев на кота, безмятежно вылизывающего лапки. Как его зовут? Она понятия не имела, но решила, что вполне может называть его Кот.

На следующей фотографии была груда внутренностей в мусорном бачке, слипшаяся масса, которую придется размочить и разъединить на составляющие. Только после этого можно адекватно обследовать отдельные органы. Это будет самой неприятной частью работы, потому что разложение начинается именно во внутренних органах, где обитают и размножаются бактерии. На скорую руку Маура просмотрела несколько следующих снимков, потом остановилась и снова вгляделась в одну из фотографий внутренностей в мусорном бачке. На этом снимке освещение было иным, потому что вспышка не сработала, и в косом свете на поверхности стали видны другие кривые и борозды.

Раздался звонок в дверь.

Она не ждала гостей. И уж никак не предполагала увидеть на своем крыльце Джейн Риццоли.

– Я решила, тебе это понадобится, – сказала Джейн, протягивая пластиковый пакет.

– Что это?

– Наполнитель для кошачьего туалета и упаковка «Фрискиса». Фрост чувствует себя виноватым из-за того, что тебе пришлось забрать кота, и я пообещала доставить тебе это. Он уже успел расцарапать мебель?

– Уничтожил банку сардин – это пока все. Заходи, можешь сама посмотреть, как он поживает.

– Вероятно, гораздо лучше, чем другой.

– Белый кот Готта? Что ты с ним сделала?

– Его никто не может поймать. Он все еще прячется где-то в доме.

– Надеюсь, ты оставила ему свежей еды и воды.

– Фрост об этом, конечно, позаботился. Он утверждает, что не выносит кошек, но видела бы ты его: ползал на четвереньках, умолял киску – кис-кис-кис – вылезти из-под кровати. Он приедет туда завтра заменить наполнитель в лотке.

– Я думаю, он вполне мог бы взять кота себе. Он в последнее время стал довольно одиноким.

– Ты поэтому взяла себе серенького?

– Нет, конечно. Я взяла его, потому что... – Маура вздохнула. – Понятия не имею почему. Потому что он никак от меня не отставал.

– Ну да, почувствовал слабину, – сказала Джейн, рассмеявшись, и последовала за Маурой в кухню. – Вот тетка, которая будет давать мне сметану и паштет.

В кухне Маура недоуменно уставилась на кота, который запрыгнул на кухонный стол и уже поставил передние лапы на клавиатуру ее ноутбука.

– Брысь! – крикнула она. – Пошел отсюда!

Кот зевнул и улегся на бочок. Маура схватила его и отправила на пол:

– Не смей сюда лазать!

– Знаешь, ничего он с твоим компьютером не сделает, – сказала Джейн.

– Дело не в компьютере, а в столе. Я за этим столом ем.

Маура взяла губку, сбрызнула очистителем и принялась протирать столешницу.

- Кажется, ты вот здесь пропустила микроба.
- Не смешно. Подумай, где побывал этот кот. Куда ступал лапами в последние четыре дня. Ты бы стала есть с этого стола?
- Он, наверно, чище, чем мое трехлетнее чадо.
- Тут я с тобой согласна. Дети – настоящие фомиты.
- Что?
- Они повсюду распространяют инфекцию.

Маура напоследок энергично провела губкой по столу, а потом выкинула ее в мусорный бачок.

- Не забыть бы об этом, когда вернусь домой. «Иди к мамочке, мой маленький фомит». – Джейн вытащила из привезенного ею пакета наполнитель и высыпала в лоток, который тоже не забыла купить. – Куда ты хочешь это поставить?
- Я надеялась, что буду его выпускать и он станет делать свои дела во дворе.
- Выпусти его – и он, может, никогда не вернется. – Джейн стряхнула с рук пыль от наполнителя и выпрямилась. – А может, так оно и лучше?
- Не знаю, о чем я думала, когда привезла его. Он просто прилип ко мне. Я, в общем-то, не собиралась заводить кота.
- Ты сказала, что Фросту нужен кот. Почему не тебе?
- Фрост только что развелся. Он не привык к одиночеству.
- А ты привыкла.
- Я много лет одна. И не думаю, что в ближайшем будущем это изменится. – Маура оглядела безупречно чистые столешницы, вылизанную раковину. – Если

вдруг не случится чуда.

– Слушай, вот и назови его так – Чудо, – сказала Джейн, показывая на кота.

– Нет, так он зваться не будет.

Запикал таймер, и Маура открыла духовку, чтобы проверить содержимое кастрюльки.

– Пахнет хорошо.

– Баклажаны с пармезаном. При мысли о мясной еде сегодня меня выворачивает наизнанку. Хочешь есть? Тут нам двоим хватит.

– Я еду к маме на обед. Габриэль все еще в Вашингтоне, и маме невыносима мысль о том, что мы с Реджиной пребываем в одиночестве. – Джейн помолчала. – Может, присоединишься к нам для компании?

– Спасибо за приглашение, но мой обед уже готов.

– Не обязательно сегодня – в любое время, когда захочешь побыть в семье.

Маура внимательно посмотрела на нее:

– Собираешься меня удочерить?

Джейн отодвинула стул и села за кухонный стол.

– Мне кажется, нам нужно выяснить отношения. После дела Тедди Клока мы с тобой не разговаривали, и я знаю, несколько последних месяцев тебе приходилось нелегко. Я давно уже должна была пригласить тебя на обед.

– Я тоже должна была тебя пригласить. Мы обе были заняты, только и всего.

– Знаешь, Маура, меня сильно беспокоило, когда ты сказала, что подумываешь уехать из Бостона.

– Почему?

– Ну, мы столько лет работаем вместе, как ты можешь вдруг взять да уехать? Мы с тобой на пару пережили такое, чего никто другой и представить себе не может. Ну вот вроде этого. – Джейн показала на компьютер Мауры, где на экране все еще оставалась фотография внутренностей. – Скажи мне, с кем еще я могу поговорить о кишках в мусорном бачке? Нормальные люди о таких вещах не разговаривают.

– Ты хочешь сказать, что я ненормальная?

– Ну, ты ведь не думаешь всерьез, что я нормальная? – рассмеялась Джейн. – Мы обе чокнутые извращенки. Это единственное объяснение тому, чем мы занимаемся. И почему из нас получилась такая хорошая команда.

Маура никак не могла предсказать это, когда познакомилась с Джейн.

До этого она слышала, как о Джейн отзывались полицейские-мужчины: «Сука. Стервоза. У нее месячные круглый год». Женщина, которая в тот день появилась на месте преступления, была грубой, сосредоточенной и безжалостной. А еще она была одним из лучших детективов, с какими Мауру сводила судьба.

– Ты как-то говорила, что тебя ничто не держит здесь, в Бостоне, – сказала Джейн. – Я просто напоминаю тебе, что это не так. У нас с тобой общая история.

– Верно, – фыркнула Маура. – История попадания в неприятности.

– И выхода из них вдвоем. Что ждет тебя в Сан-Франциско?

– Я получила приглашение от давнего коллеги – он там работает. Предлагает преподавать в Калифорнийском университете.

– А Джулиан? У мальчишки нет никого ближе тебя. Ты ему как мать. Если ты уедешь в Калифорнию, он будет считать, что ты его бросила.

– Я его теперь почти не вижу. Джулиану семнадцать, и он собирается поступать в колледж. Кто знает, что он надумает, а в Калифорнии есть неплохие колледжи. Не могу я зависеть от мальчишки, который только начинает жизнь.

– Работа в Сан-Франциско. Там платят больше? В этом дело?

– Но я не поэтому хочу принять их предложение.

– Просто хочешь убежать, да? Убраться, к чертям собачьим, подальше отсюда. – Джейн помолчала. – А он знает, что ты собираешься покинуть Бостон?

«Он». Маура резко отвернулась и заново наполнила стакан вином. Одно упоминание о Даниэле Брофи вызвало у нее желание выпить.

– Я несколько месяцев не разговаривала с Даниэлем.

– Но ты с ним видишься.

– Ну разумеется, ведь я не знаю, приезжая на место преступления, будет он там или нет. Утешать семью, молиться за жертву. Мы вращаемся в одном кругу, Джейн. В кругу мертвецов. – Маура сделала большой глоток вина. – Для меня будет облегчением, если я избавлюсь от этого.

– Значит, отъезд в Калифорнию на самом деле желание избежать Даниэля.

– И искушения, – тихо сказала Маура.

– Искушения вернуться к нему? – Джейн покачала головой. – Ты приняла решение. Держись его и двигайся вперед. Именно так я бы и поступила.

И именно это делало их столь непохожими друг на друга. Джейн действовала быстро и никогда не сомневалась в том, что ей нужно делать. Она не страдала бессонницей от желания поменять решение. А Маура не спала ночами, мучаясь от неопределенности, размышляла над разными вариантами, взвешивала последствия. Вот если бы жизнь была похожа на математическую формулу с одним-единственным ответом!

Джейн встала:

– Подумай о том, что я тебе сказала, ладно? Чтобы притереться к новому медэксперту, мне понадобится черт знает сколько сил и времени. Так что я рассчитываю, что ты останешься. – Она прикоснулась к руке Мауры и тихо добавила: – Я прошу тебя остаться. – Затем в типичной своей манере Джейн Риццоли резко развернулась и направилась к двери. – До завтра.

– Вскрытие утром, – напомнила Маура, провожая гостью к двери.

– Пожалуй, я не приду. Насмотрелась на личинок, спасибо.

– Там возможны неожиданности. Ты же не хочешь их пропустить?

– Единственной неожиданностью будет, если явится Фрост, – сказала Джейн, выходя за дверь.

Маура заперла дверь и вернулась в кухню, где уже остыл ее обед. Она поставила кастрюльку обратно в духовку. Кот снова запрыгнул на стол и распростерся на клавиатуре ноутбука, словно говоря: «Хватит сегодня работать». Маура схватила его и вновь опустила на пол. Кто-то должен командовать в этом доме. И уж конечно не кот. Она вывела компьютер из спящего состояния, и на нем снова появилось изображение, которое она рассматривала перед приходом Джейн. Фотография внутренностей, складчатая поверхность, контрасты которой подчеркивались тенями, образующимися в наклонном свете. Маура уже собиралась закрыть ноутбук, но тут ее взгляд задержался на печени. Она нахмурилась, увеличила изображение, уставилась на кривые и бороздки поверхности. Это была не игра света. И не искажение, вызванное опухлостью вследствие воздействия бактерий.

«У печени шесть долей».

Она потянулась к телефону.

Ботсвана

– Где он? – кричит Сильвия. – Где остальная его часть?

Они с Вивиан стоят под деревьями на расстоянии нескольких десятков ярдов. И смотрят на что-то на земле, скрытое от меня высокой травой. Я переступаю через проволоку, которой обнесен по периметру лагерь и на которой все еще висят колокольчики – те самые, что не зазвякали предупредительно в ночи. Не колокольчики подняли тревогу, а Сильвия, ее крики заставили всех нас выскочить из палаток в разной степени одетости. Мистер Мацунга все еще застегивает молнию на ширинке, вылезая через клапан палатки. Эллиот даже не потрудился надеть брюки, он выскочил в холодный рассвет в одних трусах-боксерах и сандалиях. Я успеваю схватить рубашку Ричарда и натянуть на ночнушку, после чего выхожу в траву в незашнурованных ботинках, и попавший в один из них камушек впивается мне в стопу. Я вижу окровавленный кусок одежды защитного цвета – он, словно змея, обвился вокруг куста. Еще несколько шагов – и я вижу новые оторванные куски одежды, комок чего-то похожего на черную шерсть. Еще пара шагов, и я наконец вижу, на что смотрят девушки. Теперь я понимаю, почему визжит Сильвия.

Вивиан отворачивается, и ее рвет в кусты.

Я оцепенела и не могу пошевелиться. Сильвия хнычет и учащенно дышит рядом со мной, а я разглядываю кости, разбросанные по примятой траве, и чувствую необычную отстраненность, словно нахожусь не в своем, а в чьем-то чужом теле. Может быть, теле какого-то ученого. Анатома, который смотрит на кости и чувствует потребность собрать их в одно целое и заявить: «Это правая малоберцовая кость, а это локтевая кость, а это кусок пятого пальца с правой ноги. Да, определенно с правой». Хотя, по правде говоря, я ничего не могу идентифицировать из того, что вижу, потому что осталось так мало и все оно разломано. Я могу быть уверена лишь в одном: тут есть ребро, потому что оно похоже на ребрышко в соусе, которое я ела. Только передо мной не свиное ребрышко – это обгрызенная и поколотая кость человека, и она принадлежала кому-то из моих знакомых, тех, с кем я говорила менее девяти часов назад.

– Господи боже, – стонет Эллиот. – Что случилось? Что за фигня такая?

Раздается трубный глас Джонни:

– Назад! Все назад!

Я поворачиваюсь и вижу, как Джонни протискивается в наш кружок. Теперь мы все здесь – Вивиан и Сильвия, Эллиот и Ричард, супруги Мацунага. Отсутствует только один, да и то не совсем, потому что вот его ребро, вот клок волос Кларенса. В воздухе запах смерти, запах страха и свежей плоти, запах Африки.

Джонни присаживается над костями и несколько мгновений молчит. Молчат все. Даже птицы умолкли, напуганные человеческим волнением, и я слышу лишь шелест травы на ветру и слабое журчание реки.

– Никто из вас не видел чего-нибудь прошлой ночью? Или не слышал? – спрашивает Джонни.

Он поднимает голову, и я отмечаю, что рубашка на нем не застегнута, лицо небрито. Он встретился со мной взглядом. В ответ я могу только отрицательно покачать головой.

– Никто? – Джонни оглядывает наши лица.

– Я спал без задних ног, – откликается Эллиот. – Я не слышал...

– Мы тоже ничего не слышали, – говорит Ричард, на свой обычный докучливый манер отвечая за нас обоих.

– Кто его нашел?

Вивиан еле слышно шепчет:

– Мы. Сильвия и я. Нам обеим понадобилось по делам. Уже светало, и мы решили, что выходить из палатки можно. К этому времени Кларенс обычно уже разводит костер и...

Она замолкает, вид у нее испуганный оттого, что она произнесла его имя. Кларенс.

Джонни поднимается на ноги. Я ближе других стою к нему и вижу его во всех подробностях, от растрепанных со сна волос до неровного шрама на животе – шрама, которого не видела прежде. Мы его больше не интересуем, потому что ничего не можем ему сообщить. Он изучает землю, разбросанные останки жертвы. Потом окидывает взглядом периметр лагеря, обнесенный проволокой.

– Колокольчики не звонили, – говорит он. – Я бы услышал звон. Кларенс услышал бы.

– Значит, зверь – кто бы он ни был – не заходил на территорию лагеря, – подхватывает Ричард.

Джонни игнорирует его. Он начинает идти по все расширяющемуся кругу, нетерпеливо отталкивая всех, кто попадает на пути. Здесь нет голой земли, всюду трава, и не видно никаких следов, по которым можно было бы понять, что произошло.

– Его дежурство началось в два часа, а я сразу отправился спать. Костер почти погас, значит туда ничего не подбрасывали уже несколько часов. Что заставило его отойти от костра? Почему он вышел за периметр? – Джонни оглядывается. – И где его ружье?

– Ружье вон там, – говорит мистер Мацунага и показывает на кольцо камней, окружающих погасший костер. – Я видел, оно лежит на земле.

– Он просто оставил его там? – удивленно произносит Ричард. – И пошел себе от костра в темноту без ружья? С какой стати Кларенс стал бы это делать?

– Он не стал бы этого делать, – тихо отвечает Джонни, и от его слов мороз подирает по коже.

Он снова начинает ходить кругами, вглядываясь в траву. Находит обрывки одежды, ботинок, но больше почти ничего. Он удаляется от лагеря в сторону реки. Внезапно опускается на колени, и я вижу только его макушку в светлых волосах. От его неподвижности нам всем не по себе. Ни у кого нет желания выяснять, что он там увидел. Мы и без того насмотрелись достаточно. Но его молчание обладает какой-то силой притяжения, и я иду к нему.

Он поднимает на меня взгляд:

– Гиены.

– Почему вы думаете, что это они?

Он показывает на сероватые комки на земле:

– Это характерный помет гиены. Видите в нем клочки волос какого-то животного, кусочки костей?

– Боже мой. Это ведь не его кости?

– Нет. Этому помету несколько дней. Но мы знаем, что гиены неподалеку. – Он показывает на оторванный кусок окровавленной ткани. – И они его нашли.

– Но я думала, что гиены падальщики.

– Я не могу утверждать, что они его убили. Но они его съели, вне всяких сомнений.

– От него почти ничего не осталось, – бормочу я, глядя на куски материи. – Он словно... исчез.

– После падальщиков не остается ничего – они ничего не упускают. Возможно, они утащили то, что осталось, в свое логово. Не могу понять, почему он умер, не издав ни звука. Почему я не слышал, как его убили.

Джонни сидит над серыми комками помета, но его глаза прочесывают окрестности, видят то, чего не могу увидеть я. Его неподвижность выводит меня из себя. Он не похож на других людей, с которыми я сталкивалась, он в такой гармонии со средой обитания, что кажется ее частью, он врос в эту землю корнями, как деревья и слегка колышущаяся трава. Он ничуть не похож на Ричарда, чье вечное недовольство жизнью заставляет его искать в Интернете квартиру получше, место для отдыха получше, может быть – и подружку получше. Ричард не знает, чего он хочет и кто он такой, в отличие от Джонни. Того Джонни, чье долгое молчание вызывает у меня стремление заполнить

тишину каким-нибудь пустым замечанием, словно это моя обязанность – поддерживать разговор. Но неловкость ощущаю только я, Джонни – ни в малейшей мере.

Он тихо говорит:

– Мы должны собрать все, что удастся найти.

– Вы говорите о... Кларенсе?

– Это для его семьи. Они захотят его похоронить. Что-нибудь осязаемое, чтобы они могли его оплакать.

Я в ужасе смотрю на окровавленные клочья материи. Я не хочу к ним прикасаться. И уж конечно, я не хочу прикасаться к разбросанным там и тут кусочкам костей и волосам. Но я киваю и говорю:

– Я вам помогу. Можно взять брезентовый мешок из машины.

Он поднимается и смотрит на меня:

– Вы не такая, как остальные.

– Это вы о чем?

– Вы ведь не хотели ехать сюда, в буш, верно?

Я обхватываю себя руками:

– Не хотела. Это Ричард решил провести отпуск так.

– А как решили бы вы?

– Горячий душ. Туалет с унитазом. Может быть, массаж. Но вот я здесь – замечательная женщина, всегда покорная желаниям мужчины.

– Вы замечательная женщина, Милли. Вы это знаете, да? – Он смотрит вдаль и говорит так тихо, что я почти не слышу: – Лучше, чем он заслуживает.

Не уверена, что он хотел, чтобы я слышала эти слова. Наверное, он столько времени проводит в буше, что постоянно разговаривает сам с собой, потому что обычно рядом никого нет и никто не может его услышать.

Я пытаюсь понять выражение его лица, но он наклоняется и поднимает что-то. Когда он выпрямляется, я вижу это в его руке.

Кость.

– Вы все понимаете, что экспедиция закончилась, – говорит Джонни. – Призываю всех взяться за дело, чтобы мы свернули лагерь к полудню и отправились в путь.

– В путь куда? – спрашивает Ричард. – Самолет появится только через неделю.

Джонни собрал нас вокруг погасшего костра, чтобы сообщить план действий. Я оглядываю других участников нашего сафари, туристов, которые искали приключений в диких местах и получили больше, чем хотели. Настоящую смерть от лап хищника. Не те веселые приключения, какие видишь в телепередачах про животных. Вместо веселья – жалкий мешок, в котором прискорбно мало костей, обрывков одежды, частей скальпа – бранные останки нашего следопыта Кларенса. Все остальное, как говорит Джонни, утрачено навсегда. Таков закон буша: каждое рожденное здесь существо в конечном счете будет съедено, переварено и превратится в помет, землю, траву. Трава, съеденная другими животными, возродится новым животным. Принцип казался красивым, но когда сталкиваешься лицом к лицу с жестокой реальностью, с мешком костей Кларенса, то понимаешь, что круговорот вещей в природе – это еще и круговорот смерти. Мы здесь для того, чтобы есть и быть съеденными, и мы всего лишь мясо. Теперь нас осталось восемь человек, мясо на костях, а вокруг – хищники.

– Если мы сейчас вернемся на посадочную полосу, нам придется сидеть там несколько дней в ожидании самолета, – говорит Ричард. – Может, лучше продолжить путешествие, как планировалось?

Джонни непреклонен:

– Глубже в буш мы не поедем.

– А что, если воспользоваться рацией? – спрашивает Вивиан. – Вы могли бы связаться с летчиком, чтобы он забрал нас раньше.

Джонни отрицательно качает головой:

– Мы здесь вне зоны действия радиосвязи. Связаться с ним мы сможем, только добравшись до посадочной полосы. А это три дня езды на запад. Вот почему мы вместо этого поедем на восток. Это два дня жесткого пути, никаких остановок, чтобы полюбоваться пейзажем. Так мы доберемся до одного из охотничьих домиков. Там есть телефон, и оттуда начинается дорога. Там я организую вашу доставку в Маун.

– Зачем? – спрашивает Ричард. – Не хочу показаться бездушным, но мы уже ничем не поможем Кларенсу. Не вижу смысла нестись назад сломя голову.

– Вам вернут деньги, мистер Ренуик.

– Дело не в деньгах. Дело в том, что мы с Милли проделали весь этот путь из самого Лондона. Эллиот прилетел из Бостона. Я уж не говорю, сколько пришлось пролететь супругам Мацунага.

– Господи, Ричард, – вставляет Эллиот, – ведь человек погиб!

– Я знаю, но мы так или иначе уже здесь. Мы вполне можем продолжить поездку.

– Я не могу, – говорит Джонни.

– Почему?

– Я не могу гарантировать вашу безопасность. А тем более удобства. Нужны двое, чтобы дежурить по ночам и поддерживать огонь. Чтобы разбить лагерь или собрать его. Кларенс не только готовил вам еду. Это была еще пара глаз и ушей. Мне нужен помощник, когда я везу в буш людей, которые не могут

отличить ружье от трости.

– Научите меня. Я буду дежурить на пару с вами. – Ричард оглядывает нас, словно ища подтверждения тому, что он единственный, кто способен выполнить эту задачу.

– Я умею стрелять, – говорит мистер Мацунага. – И дежурить я тоже могу.

Мы все поворачиваемся и смотрим на японского банкира, о чьих снайперских навыках мы могли судить только по щелчкам его фотокамеры с объективом, стреляющим на целую милю.

Ричард издает недоверчивый смешок:

– Вы имеете в виду настоящее оружие, Исао?

– Я член токийского стрелкового клуба, – говорит мистер Мацунага, ничуть не задетый насмешливым тоном Ричарда. Он показывает на жену и, к нашему удивлению, добавляет: – Кейко тоже член клуба.

– Я рад, что это избавляет меня от необходимости предлагать свои услуги, – говорит Эллиот. – Потому что я к этой чертовой штуке даже прикасаться не хочу.

– Так что, как видите, у нас достаточно рук, – обращается Ричард к Джонни. – Мы можем дежурить по очереди и всю ночь поддерживать огонь в костре. Ведь это и есть настоящее сафари, разве нет? Отвечать требованию момента. Доказывать свою храбрость.

О да, Ричард – специалист, он целый год проводит, героически сидя за компьютером и закручивая свои насыщенные тестостероном фантазии. Теперь эти фантазии сбылись, и он может сыграть в героя собственного триллера. А главное, у него есть аудитория из двух великолепных блондинок, ради которых он и старается, потому что на меня ему уже не произвести впечатления, и он это знает.

– Речь великолепная, но она ничего не меняет. Собирайте вещи, мы едем на восток.

Джонни уходит разбирать свою палатку.

– Слава богу, он кладет этому конец, – говорит Эллиот.

– А что ему еще делать? – усмехается Ричард. – Теперь, когда он испоганил нам путешествие.

– Нельзя же его обвинять в том, что случилось с Кларенсом.

– А кто в конечном счете несет ответственность? Он нанял следопыта, с которым прежде не работал. – Ричард поворачивается ко мне. – Ведь Кларенс так тебе сказал. Сказал, что никогда не работал с Джонни до этого сафари.

– Но он же не на улице его подобрал, – замечаю я. – Кларенс и прежде работал следопытом. Джонни не взял бы его, если бы у Кларенса не было опыта.

– Это ты так считаешь, но смотри, что произошло. Наш так называемый опытный следопыт бросает ружье и идет навстречу стае гиен. Ты считаешь, это поступок человека, который знает, что делает?

– Какой во всем этом смысл, Ричард? – устало спрашивает Эллиот.

– Смысл в том, что мы не можем доверять его суждениям. Вот и все, что я хочу сказать.

– Я думаю, что Джонни прав. Мы не можем притворяться, что ничего не случилось. Мертвец как-то не способствует поднятию настроения. – Эллиот направляется к своей палатке. – Пора выбираться отсюда и двигаться к дому.

«К дому». Я укладываю одежду и туалетные принадлежности в сумку и думаю о Лондоне, о сером небе и капучино. Через десять дней Африка будет казаться золотым сном, местом, где жарко и где ослепительно сверкает солнце, местом, где жизнь и смерть так ярко и зримо соседствуют друг с другом. Вчера мне хотелось одного: вернуться домой, в квартиру с горячим душем, в страну, где есть горячие души. Но теперь, когда мы уезжаем из буша, я чувствую, как он держит меня, его щупальца обвиваются вокруг моих щиколоток, грозят укоренить меня в этой земле. Я застегиваю рюкзачок, в котором «самое

необходимое» – все, без чего, как я считала, мне не выжить в дикой природе: высокоэнергетические питательные плитки, туалетная бумага, влажные салфетки, солнцезащитный крем, тампоны и мобильник. Насколько иначе смотришь на «самое необходимое», когда находишься вне зоны действия сотовых вышек!

К тому времени, как мы с Ричардом заканчиваем складывать палатку, Джонни уже успевает уложить в машину свои вещи, кухонное оборудование и складные стулья. Мы все собираемся удивительно быстро, даже Эллиот, который никак не мог разобрать палатку и ему понадобилась помощь Вивиан и Сильвии. Смерть Кларенса витает над нами, мы почти не разговариваем – сосредоточиваемся на первостепенных задачах. Убирая палатку в заднюю часть машины, я замечаю брезентовый мешок с останками Кларенса, засунутый за рюкзак Джонни. Я огорчаюсь, видя этот мешок там, со всеми нашими вещами. «Палатки – на месте. Примус – на месте. Покойник – на месте».

Я залезаю в машину и сажусь рядом с Ричардом. Впереди пустое место Кларенса – жестокое напоминание, что его нет, что кости его разбросаны по земле, а плоть переварена гиенами. Джонни садится в машину последним. Он хлопает дверью, и я окидываю взглядом место, где был разбит наш лагерь, и думаю, что скоро здесь ничто не будет напоминать о нашем пребывании. Мы уедем, а Кларенс останется здесь навсегда.

Вдруг Джонни чертыхается и выпрыгивает из машины. Что-то не так.

Он подходит к передку машины, поднимает капот и проверяет двигатель. Проходят секунды. Его головы не видно за поднятым капотом, поэтому мы не видим и выражения лица, но его молчание настораживает меня. Он не произносит утешительного «проводок отсоединился» или «ну все понятно».

– Что там еще? – бормочет Ричард.

Он тоже выходит из машины, хотя я не думаю, что от него может быть какая-то польза. Прочесть показания датчика топлива он может, но дальше этого его знания об автомобиле не простираются. Он начинает выдвигать предположения. Аккумулятор? Свечи зажигания? Отсутствие контакта? Джонни отвечает едва слышными односложными словами, и это тревожит меня еще сильнее, потому что я знаю: чем катастрофичнее ситуация, тем спокойнее становится Джонни.

В открытой машине жарко. Почти полдень, и солнце стоит в зените. Все остальные тоже вылезают из машины и прячутся в тени деревьев. Джонни высовывает голову из-за капота и приказывает:

– Не уходите далеко!

Но никто и не собирается уходить: мы видели, что может случиться с тем, кто так поступает. Мистер Мацунага и Эллиот присоединяются к Ричарду у капота, высказывают свои соображения, потому что, конечно же, все мужчины (даже те, кто ни разу не испачкал рук) разбираются в технике. Или думают, что разбираются.

Женщины ждут в тени, отбиваясь от насекомых, все время оглядывая траву – не обнаружится ли где-нибудь в ней характерное движение, которое одно теперь и может предупредить нас о приближении хищника. Даже в тени жарко, и я усаживаюсь на землю. Сквозь ветки наверху я вижу парящих в небе хищных птиц – они наблюдают за нами. Эти птицы удивительно красивы – чернокрылые, они закладывают неторопливые виражи в небесах в ожидании еды. Кто станет ею?

Ричард направляется к нам, бормоча:

– Ну вот вам, просто блестящий поворот. Эта хреновина не заводится. Даже не крутится.

Я сажусь прямо:

– Вчера она была в порядке.

Ричард раздраженно фыркает:

– Вчера все было в порядке. Мы застряли.

Блондинки одновременно тревожно охают.

– Да не можем мы застрять, – выпаливает Сильвия. – В следующий четверг я должна быть на работе!

– И я! – говорит Вивиан.

Миссис Мацунага недоуменно покачивает головой:

– Как это может быть? Это невозможно.

Их голоса сливаются в тревожном хоре, а я не могу не заметить, что хищные птицы в небе описывают все более тесные круги, словно их привлекает наше бедственное положение.

– Слушайте меня. Все слушайте, – приказывает Джонни.

Мы поворачиваемся в его сторону.

– Сейчас не время для паники, – говорит он. – Для этого нет никаких оснований. Река рядом, так что воды у нас хватает. У нас есть палатки. У нас есть оружие, и вокруг полно дичи для еды.

Эллиот выпускает смешок, в котором отчетливо слышна нотка страха:

– И что теперь? Мы останемся здесь и вернемся в каменный век?

– Самолет должен прилететь за вами через неделю. Если мы не появимся в назначенное время, они начнут поиски. Найдут нас очень быстро. Разве вы не этого хотели? Настоящее приключение в буше. – Он оглядывает нас одного за другим, оценивая, решая, готовы ли мы к такому испытанию. – Я буду заниматься машиной. Может быть, мне удастся ее починить, может быть – нет.

– Вы хотя бы знаете, что у нее сломалось? – спрашивает Эллиот.

Джонни свирепо смотрит на него:

– Прежде она никогда не ломалась. Я не понимаю, что с ней. – Он снова обводит нас взглядом, словно ищет ответ в наших лицах. – А пока мы должны снова разбить лагерь. Доставайте палатки. Мы остаемся здесь.

Бостон

Если пациент не приходит в назначенное время, психологи называют это сопротивлением, потому что пациент на самом деле не хочет решать свою проблему. Именно этим можно объяснить, почему Джейн поздно вышла в то утро из дома: она очень не хотела присутствовать на аутопсии Леона Готта. Она неторопливо надевала на дочку ту же самую футболку «Ред сокс» и зеленый от травы комбинезончик, которые Реджина носила вот уже пять дней. Они слишком долго завтракали тостами и овсянкой, а потому из дверей дома вышли с опозданием в двадцать минут. А если добавить к этому поездку по запруженным улицам в Ревир, где жила мать Джейн, то ничего удивительного, что они прибыли к дому Анжелы с получасовым опозданием.

Дом матери с каждым годом, казалось, становился меньше, словно ужимался с возрастом. Таща Реджину за руку к дверям, Джейн отметила, что крыльцо пора покрасить, водостоки забиты осенними листьями, а многолетники на газоне перед фасадом надо бы обрезать к зиме. Нужно позвонить братьям, может, они смогут выбраться к матери и поработать на выходных, потому что Анжеле явно не справиться со всем этим.

«А еще ей не помешало бы как следует выспаться», – подумала Джейн, когда Анжела открыла ей дверь. Усталый вид матери произвел на Джейн гнетущее впечатление. Все в ней казалось поношенным, от выцветшей блузки до мешковатых джинсов. Когда Анжела нагнулась, чтобы взять Реджину на руки, Джейн увидела седые корни волос на голове у матери – это тоже обескураживало, потому что обычно Анжела не пропускала визитов к парикмахеру. Неужели это та самая женщина, которая прошлой осенью появилась в ресторане в туфлях на гвоздиках и с накрашенными губами?

– Ах ты, моя маленькая тыковка, – заворковала Анжела, неся Реджину вглубь дома. – Nonna[8 - Бабушка (ит.).] так рада тебя видеть. Давай сходим сегодня в магазин, а? Тебе не надоел этот грязный комбинезон? Купим что-нибудь новое и красивое.

– Не люблю красивое!

– А как насчет платьица? Такое модное, как у принцессы?

– Не люблю принцесс!

– Но ведь каждая девочка хочет быть принцессой!

– Я думаю, она предпочитает быть лягушкой, – сказала Джейн.

– Господи боже, вся в тебя. – Анжела разочарованно вздохнула. – Ты тоже не позволяла надевать на себя платья.

– Не всем же быть принцессами, мама.

– И не для всех находится прекрасный принц, – пробормотала Анжела.

Джейн прошла за ней в кухню.

– Что тут у тебя происходит?

– Сейчас приготовлю кофе. Ты будешь?

– Мама, я же вижу, у тебя тут что-то происходит.

– Тебе пора на работу. – Анжела посадила Реджину на высокий стул. – Иди ловить плохих ребят.

– Для тебя не слишком тяжело сидеть с Реджиной? Ты же знаешь, что это вовсе не обязательно. Она уже большая, вполне можно отдать в детский сад.

– Чтобы мою внучку да в детский сад? Этого никогда не будет.

– Мы с Габриэлем говорили об этом. Ты и без того слишком много для нас сделала, и мы думаем, ты заслужила отдых. Наслаждайся жизнью.

– Я каждый день жду ее с нетерпением, – сказала Анжела, кивая на внучку. – Она единственное, что отвлекает меня от...

– Отца?

Анжела отвернулась и начала наливать воду в кофейник.

– С первого дня, как он вернулся, я не видела у тебя на лице радости, – сказала Джейн. – Ни разу.

– Ничего нет сложнее, чем делать выбор. Меня то туда тянет, то сюда, как тянучку какую. Вот бы кто сказал мне, что делать, чтобы не пришлось выбирать между ними!

– Этот выбор должна сделать ты сама. Отец или Корсак. Я думаю, ты должна выбрать человека, с которым будешь счастлива.

На лице Анжелы отразилось страдание.

– Разве я смогу быть счастлива, если всю оставшуюся жизнь меня будет грызть чувство вины? Если твои братья будут говорить, что я разрушила семью?

– Не ты ушла от отца. Он сам ушел.

– А теперь вернулся и хочет, чтобы мы снова были вместе.

– Ты имеешь право отказать ему.

– Когда оба моих сына настаивают, чтобы я дала отцу еще один шанс? Отец Доннелли говорит, что именно так и должна поступить добропорядочная жена.

«Ну замечательно, – подумала Джейн. – В католицизме чувство вины развито как ни в одной другой религии».

Зазвонил мобильник Джейн. Она посмотрела на экран – звонила Маура; Джейн не стала отвечать: пусть вызов уйдет в голосовую почту.

– А бедняга Винс, – сказала Анжела. – Я и по отношению к нему чувствую себя виноватой. Мы ведь готовились к свадьбе.

– Эти планы еще никто не отменял.

– Теперь я не представляю, как это может случиться. – Анжела оперлась о кухонный стол, за спиной у нее заурчала и зашипела кофеварка. – Вчера вечером я наконец сказала ему. Джейни, ничего труднее мне в жизни делать не доводилось.

И это было видно по ее лицу. Опухшие глаза, опущенные уголки рта – неужели это была новая и будущая Анжела Риццоли, праведная жена и мать?

«В мире и без того хватает мучеников», – подумала Джейн. Мысль о том, что ее мать присоединится к этому сонму, выбила ее из колеи.

– Мама, если ты от всего этого впадаешь в отчаяние, то должна вспомнить, что это твое собственное решение. Ты сама выбираешь путь к несчастью. Никто не может заставить тебя сделать это.

– Как ты можешь говорить такое?

– Я говорю это, потому что так и есть. Ты принимаешь решение, и ты должна управлять ситуацией.

Ее телефон издал трель – пришло сообщение. Опять Маура: «Приступаю к аутопсии. Едешь?»

– Давай езжай на работу, – махнула рукой Анжела. – Не бери в голову.

– Я хочу, чтобы ты была счастливой, мама. – Джейн повернулась, собираясь уходить, но потом снова посмотрела на Анжелу. – Да ты и сама хочешь того же.

Джейн с облегчением вышла на улицу, набрала в легкие свежего, прохладного воздуха, выдохнула мрак дома. Но никак не могла избавиться от раздражения, которое вызывали у нее ее собственный папочка, братья и отец Доннелли – все мужчины, считающие, что вправе указывать женщине, в чем состоит ее долг.

Когда ее телефон зазвонил снова, она раздраженно бросила:

– Риццоли!

– Эй, это я, – раздался голос Фроста.

– Да, я еду в морг. Буду через двадцать минут.

– А разве ты уже не там?

– Задержалась у матери. А ты почему не там?

– Я думал, что мне, гм, разумнее заняться чем-нибудь другим.

– Вместо того, чтобы все утро блевать в раковину. Хороший выбор.

– Я все еще жду, когда мобильный оператор выдаст мне детализацию разговоров Готта. А пока вот тебе кое-что занятное – выловил в «Гугле». В мае о Готте писал «Хаб мэгэзин». Статья была озаглавлена: «Мастер охотничьих трофеев: интервью с бостонским таксидермистом».

– Да, я видела копию этого интервью – висит в рамочке у него в доме. Оно про охотничьи приключения. Об охоте на слонов в Африке, на лосей в Монтане.

– Ты бы почитала комменты к этой статье. Это на веб-сайте журнала. Он явно вывел из себя травоядных – так Готт называет противников охоты на животных. Вот один из комментов от Анонима: «Леона Готта нужно подвесить и выпотрошить – сие вонючее животное вполне этого заслужило».

– «Подвесить и выпотрошить»? Это похоже на угрозу, – заметила Джейн.

– Может, кто-то ее и реализовал.

Когда Джейн увидела то, что лежало на прозекторском столе в морге, она чуть не повернулась и не ушла. Даже резкий запах формалина не мог заглушить вонь внутренностей, выложенных на металлическом столе. Маура не надела защитный капюшон, только обычный респиратор и пластиковый лицевой щиток. Она так сосредоточилась на интеллектуальной загадке, которую поставили перед ней эти внутренности, что даже не чувствовала запаха. Рядом с ней стоял высокий мужчина с седыми бровями – Джейн не узнала его. Мужчина, как и Маура, с любопытством рассматривал набор внутренностей.

– Начнем-ка с этого большого сосуда, – сказал он, перебирая внутренности руками в перчатках. – Мы здесь имеем слепую кишку, восходящую кишку, поперечную ободочную кишку, нисходящую кишку...

– Но у нас нет сигмовидной кишки.

– Верно. Прямая кишка есть, а сигмовидной нет. Это наша первая ниточка.

– И в этом отличие от другого образца, в котором сигмовидная кишка есть.

Мужчина удовлетворенно хохотнул:

– Я очень рад, что вы пригласили меня посмотреть. Нечасто приходится видеть что-либо столь захватывающее. За эту историю меня будут несколько месяцев бесплатно кормить обедом.

– Не хотела бы я стать слушательницей такого обеденного рассказа, – заметила Джейн. – Думаю, именно это в древности называли гаданием по внутренностям.

Маура повернулась к Джейн:

– Мы сравниваем два набора внутренностей. Это профессор Гай Джибсон. А это детектив Риццоли, отдел по расследованию убийств.

Профессор Джибсон безразлично кивнул Джейн и снова вернулся взглядом к внутренностям, которые явно казались ему гораздо более привлекательными.

– Профессор по какой дисциплине? – спросила Джейн, по-прежнему стоя вдали от стола. От запаха.

– Сравнительная анатомия. Гарвард, – ответил он, не глядя на нее, сосредоточившись на содержимом сосуда. – Этот второй набор внутренностей – тот, что с сигмовидной кишкой, – насколько я понимаю, принадлежит жертве? – спросил он у Мауры.

– Похоже, что так. Рассеченные края совпадают, но нам нужно провести анализ ДНК, чтобы быть уверенными.

– Если мы теперь обратимся к легким, то я могу указать на некоторые вполне очевидные ниточки.

– Ниточки, которые ведут куда? – спросила Джейн.

– Они ведут к тому, кому принадлежал первый комплект легких. – Джибсон взял одну пару легких, подержал их секунду, потом положил и поднял второй комплект. – Размеры близкие, и я предполагаю, что приблизительно равными были массы тела.

– Судя по водительским правам жертвы, в нем было росту пять футов и восемь дюймов, а веса сто сорок фунтов.

– Что ж, возможно, это его легкие, – сказал Джибсон, глядя на легкие, которые держал в руках. Потом он положил их и взял другую пару. – Вот эти легкие интересуют меня куда больше.

– И что в них такого интересного?

– А вы посмотрите, детектив. Только вам нужно подойти поближе.

Подавляя тошноту, Джейн приблизилась к мясницкому набору потрохов, разложенных на столе. Отделенные от своих владельцев, эти внутренности казались Джейн одинаковыми, состоящими из тех же взаимозаменяемых деталей, какие были и у нее. Она вспомнила постер «Видимая женщина», висевший в классе биологии, – на нем были показаны органы в их анатомическом

месте. Уродливая или прекрасная, каждая женщина представляла собой набор органов в оболочке из плоти и костей.

– Вы видите разницу? – спросил Джибсон. Он показал на первый комплект легких. – У левого легкого верхняя доля и нижняя доля. У правого есть верхняя, нижняя и еще срединная. Что это дает нам в сумме?

– Пять, – ответила Джейн.

– Это обычная человеческая анатомия. Два легких, пять долей. А теперь посмотрите на другую пару, найденную в том же мусорном бачке. Она приблизительно такого же размера и веса, но тут есть существенная разница. Вы ее видите?

Джейн нахмурилась:

– Здесь больше долей.

– Чтобы быть точным, две лишние доли. У правого легкого – четыре, у левого – три. Это не анатомическая аномалия. – Он помолчал. – А значит, эта пара легких принадлежит не человеку.

– Почему я и позвала профессора Джибсона, – пояснила Маура. – Чтобы он помог мне понять, с каким видом мы тут имеем дело.

– Это какое-то крупное животное, – сказал Джибсон. – Размером, я бы сказал, с человека, если судить по сердцу и легким. Теперь посмотрим, найдем ли мы ответ в печени. – Он перешел к дальнему концу стола, где рядом лежали две печени. – У первого образца есть правая и левая доли. Квадратная доля и хвостатая доля...

– Вот эта – человеческая, – сказала Маура.

– А другой образец... – Джибсон взял вторую печень, перевернул, чтобы рассмотреть противоположную сторону. – У нее шесть долей.

Маура взглянула на Джейн:

– И опять – не человеческая.

– Значит, у нас имеется два комплекта внутренних органов, – подытожила Джейн. – Один, как мы предполагаем, принадлежит убитому. А другой... кому? Оленю? Свинье?

– Ни тому и ни другому, – сказал Джибсон. – Судя по отсутствию сигмовидной кишки и наличию шестидольной печени, я предполагаю, что эти внутренности принадлежат члену семейства Felidae.

– Что означает...

– Семейство кошачьих.

Джейн посмотрела на печень:

– Похоже, довольно крупная киска.

– Семейство кошачьих обширно, детектив. В него входят львы, тигры, пумы, леопарды и гепарды.

– Но на месте преступления не было обнаружено никаких кошачьих туш.

– А в холодильнике вы проверяли? – спросил Джибсон. – Не нашли мяса, которое не смогли идентифицировать?

Джейн издала нервный смешок:

– Мы не нашли никаких тигриных стейков. Да и кто бы их стал есть?

– Я знаю, что существует рынок экзотических продуктов. Чем необычнее, тем лучше. Люди готовы платить за обед из чего угодно – от гремучей змеи до медведя. Вопрос в том, откуда взялось это животное. Велась ли охота на законных основаниях. И почему, черт побери, его выпотрошили в бостонском доме?

– Он был таксидермистом, – сказала Джейн и посмотрела на тело Леона Готта, лежащее на соседнем столе. Маура уже поработала скальпелем и медицинской пилой, и в стоящем поблизости ведерке с консервантом спал мозг Готта. – Он, вероятно, выпотрошил сотни, а может, тысячи животных. Видимо, даже не подозревал, что кончит как они.

– Вообще-то, таксидермисты работают с телами совсем иначе, – сказала Маура. – Я поискала вчера вечером и узнала, что таксидермисты, имеющие дело с большими животными, предпочитают не потрошить их перед снятием шкуры, потому что телесные жидкости могут испортить мех. Первое рассечение они делают вдоль позвоночника, снимают шкуру одним целым. Так что удаление внутренностей должно было происходить после снятия шкуры.

– Очаровательно, – подхватил Джибсон. – Я этого не знал.

– У вас есть доктор Айлз. У нее в голове полно всяких забавных фактов, – сказала Джейн. Она кивком показала на тело Готта: – Если уж мы заговорили о фактах, ты выяснила причину смерти?

– Кажется, да, – сказала Маура, стягивая окровавленные перчатки. – Обширные повреждения лицевой части и шеи, нанесенные животными, затрудняли выявление прижизненных травм. Но рентгенограмма позволила получить некоторые ответы. – Она подошла к экрану компьютера, прощелкала ряд рентгеновских изображений. – Никаких посторонних предметов, ничего, что указывало бы на применение огнестрельного оружия, не обнаружилось. Но вот что я нашла. – Она показала на изображение черепа. – Повреждение очень незначительное, поэтому я не выявила его пальпацией. Продольная трещина теменной кости. Череп и волосы жертвы, возможно, несколько смягчили удар, и поэтому мы не выявили деформации при осмотре, но наличие трещины говорит о значительной силе удара.

– Значит, это не следствие падения.

– В этой части головы редко образуются трещины в результате падения. Тут амортизатором служит плечо. Или же человек выставляет руки. Нет, я склонна думать, что это следствие удара по голове. Сила удара была такова, что он потерял сознание и упал.

– Но остался жив?

– Да. Хотя под мозговой оболочкой в черепной коробке имеется небольшое количество крови, этот удар не мог быть смертельным. И еще это свидетельствует о том, что после удара сердце продолжало работать. По крайней мере еще несколько минут он был жив.

Джейн посмотрела на тело, ставшее теперь всего лишь пустымместищем, лишенным внутренней начинки.

– Ужас. Только не говори мне, что он был еще жив, когда его начали потрошить.

– Нет, я не считаю, что причиной смерти стала эвисцерация[9 - Эвисцерация - в медицине извлечение внутренних органов трупа с целью их изучения.]. – Маура щелкнула несколько раз мышкой, листая снимки черепа. Наконец на мониторе появились две новые картинки. – Вот что его убило.

На экране белели шейные кости Готта: вид позвоночника спереди и сбоку.

– Здесь мы имеем трещины и смещение передних рогов щитовидного хряща и подъязычной кости. А также обширный разрыв дыхательного горла. – Маура помолчала, потом добавила: – Его горло раздробили, вероятнее всего, пока он лежал ничком. Сильным ударом, возможно нанесенным ногой в ботинке. Точно по щитовидному хрящу. Разорвали дыхательное горло и надгортанный хрящ, повредили важные сосуды. Все это стало ясно, когда я делала вскрытие шеи. Мистер Готт умер от аспирации, захлебнулся собственной кровью. Отсутствие брызг артериальной крови на стенах свидетельствует о том, что эвисцерация имела место после смерти.

Джейн молчала, вперившись в экран. Насколько проще было смотреть на бесстрастную рентгенограмму, чем на то, что лежало на столе. Рентгеновские лучи удачным образом не замечали кожи и плоти, оставляя лишь бескровную архитектуру – балки и перекладины человеческого тела. Джейн думала о том, каким должен быть человек, чтобы вот так вот взять и ударить ногой в ботинке по человеческой шее. И о том, что чувствовал убийца, когда от его удара рвались хрящи, а из глаз Готта уходила жизнь. Что он чувствовал – ярость? Собственное всеисие? Удовлетворение?

– И еще одно, – сказала Маура, переходя к другой картинке, снимку груди. При том, как было изуродовано тело, удивительно было видеть вполне нормальную костную структуру, ребра и грудинную кость именно в тех местах, где они и должны быть. Но грудная полость была причудливо пуста, там отсутствовали обычные нечеткие очертания сердца и легких. – Вот это, – сказала Маура.

Джейн подошла ближе.

– Эти слабые царапинки на ребрах?

– Да. Я обратила на них внимание еще вчера. Три параллельных надреза. Такие глубокие, что уходят в кость. А теперь посмотри сюда. – Маура вывела на экран другой снимок: лицевые кости, впавшие глазницы и нечеткие очертания пазух.

Джейн нахмурилась:

– Опять эти три царапины.

– На обеих сторонах лица, до самой кости. Три параллельные отметины. Я не разглядела их из-за повреждений мягких тканей, нанесенных домашними животными. Только на рентгеновских снимках и увидела.

– Каким инструментом это сделано?

– Не знаю. В мастерской я не видела ничего, чем бы это можно было сделать.

– Ты сказала вчера, что это вроде посмертные повреждения.

– Да.

– Так в чем их смысл, если не в том, чтобы убить или причинить боль?

Маура задумалась.

– Ритуал, – сказала она.

На несколько секунд в помещении воцарилось молчание. Джейн вспоминала другие места преступлений, другие ритуалы. Она подумала о шрамах, навсегда оставшихся на ее руках, – сувениры от убийцы, у которого были собственные ритуалы, – и почувствовала, как снова заныли эти шрамы.

Она чуть не подпрыгнула, когда раздался звонок интеркома.

– Доктор Айлз? – зазвучал голос секретаря Мауры. – Вам звонит доктор Миковиц. Он говорит, что вы отправили ему утром послание через коллегу.

– Да, конечно. – Маура взяла телефон. – Говорит доктор Айлз.

Джейн снова принялась разглядывать рентгенограмму, параллельные отметины на скулах. Попыталась представить, чем они могли быть нанесены. Ни она, ни Маура не видели прежде никаких пригодных для этого инструментов.

Маура повесила трубку и повернулась к доктору Джибсону.

– Вы абсолютно правы, – сказала она. – Это был Суффолкский зоопарк. В воскресенье Леону Готту доставили тело Ково.

– Постой, – вмешалась Джейн. – Ково – это что еще за зверь такой?

Маура показала на неидентифицированные внутренности на прозекторском столе:

– Это и есть Ково. Снежный барс, или снежный леопард.

– Ково был одним из самых популярных наших животных. Он прожил в зоопарке почти восемнадцать лет, и мы с болью сердечной решили усыпить его. – Доктор Миковиц говорил приглушенным голосом скорбящего члена семьи, и, судя по многочисленным фотографиям на стенах кабинета, Суффолкский зоопарк и в

самом деле был его семьей. Доктор Миковиц, с похожими на проволоку рыжими волосами и жидкой козлиной бородкой, сам напоминал обитателя зоопарка, словно являя собой какой-то экзотический вид обезьяны с мудрыми темными глазами, устремленными на сидевших по другую сторону стола Джейн и Фроста. – Мы еще не выпустили пресс-релиз об этом событии, а поэтому я даже вздрогнул, когда доктор Айлз спросила, не было ли у нас потерь в коллекции крупных кошек. Откуда, черт возьми, она могла узнать об этом?

– Доктор Айлз большой спец в вынюхивании скрытой информации, – сказала Джейн.

– Да, она и в самом деле застала нас врасплох. Должен сказать, это весьма чувствительная материя.

– Смерть животного? Почему?

– Потому что пришлось делать эвтаназию. Это всегда вызывает негативную реакцию. А Ково был очень редким животным.

– И когда это случилось?

– Утром в воскресенье. Смертельную инъекцию ему сделал наш ветеринар доктор Оберлин. У Ково уже некоторое время плохо работали почки, и он сильно похудел. Доктор Роудс перевел его на содержание в клетке, чтобы избавить от стресса пребывания на публике. Мы надеялись, что вытащим его, но в конечном счете доктор Оберлин и доктор Роудс пришли к мнению, что Ково неизлечим и эвтаназия необходима, хотя это сильно опечалило их обоих.

– Доктор Роудс тоже ветеринар?

– Нет, Алан – специалист по поведению крупных кошек. Он знал Ково лучше, чем кто-либо другой. Именно он и доставил тело Ково таксидермисту.

Раздался стук в дверь, и доктор Миковиц поднял глаза:

– Ага, вот и Алан.

Титул «Специалист по крупным кошкам» вызывал в воображении образ жесткого, крепкого человека в охотничьей одежде. На мужчине, который вошел в кабинет, и в самом деле была одежда защитного цвета, пыльные брюки и флисовая куртка в многочисленных потеках, словно он только что вернулся из турпохода, но ничего особенно жесткого в приятном, открытом лице Роудса не обнаружилось. Ему было около сорока, под непокорными темными волосами угадывалась угловатая голова франкенштейновского монстра, но выглядел он вполне дружелюбно.

– Извините, опоздал, – сказал Роудс, отряхивая пыль с брюк. – У нас происшествие в загоне для львов.

– Надеюсь, ничего серьезного? – спросил доктор Миковиц.

– Кошки не виноваты. Это все дети, черт бы их подрал. Какой-то мальчишка решил показать, какой он крутой, – перебрался через наружное ограждение и свалился в ров. Пришлось мне вытаскивать его оттуда.

– Господи боже. Нам не предъявят иск за недолжное исполнение обязанностей?

– Сомневаюсь. Никакой реальной опасности он не подвергался, и я думаю, это было так унижительно, что ни одной живой душе он об этом не скажет. – Роудс вымученно улыбнулся Джейн и Фросту. – Еще один веселый день с дебильными гуманоидами. У львов, по крайней мере, есть здравый смысл.

– Это детектив Риццоли и детектив Фрост, – представил их Миковиц.

Роудс протянул им мозолистую руку:

– Доктор Алан Роудс. Я биолог, занимаюсь живой природой, специализируюсь на поведении животных в естественных условиях. Сфера моих интересов – все кошки, большие и маленькие. – Он посмотрел на Миковица. – Так они нашли Ково?

– Не знаю, Алан. Они только что вошли, и мы еще толком не разговаривали.

– Нам это необходимо знать. – Роудс перевел взгляд на Джейн и Фроста. – Мех животного быстро портится после смерти. Если его тут же не обработать, он теряет свою ценность.

– А сколько сейчас стоит шкура снежного барса? – спросил Фрост.

– Если принять во внимание, что число их ничтожно? – Роудс покачал головой. – Я бы сказал, что она бесценна.

– И поэтому вы хотели сделать чучело животного?

– Чучело – некрасивое слово, – поморщился Миковиц. – Мы хотели, чтобы Ково остался во всей своей красе.

– Поэтому вы отвезли его к Леону Готту.

– Чтобы он обработал шкуру, смонтировал. Мистер Готт – один из лучших таксидермистов в стране. Был.

– Вы были лично знакомы с ним? – спросила Джейн.

– Я знаю только его репутацию.

Джейн взглянула на специалиста по крупным кошкам:

– А вы, мистер Роудс?

– Я впервые увидел его, когда мы с Деброй привезли Ково к нему в дом, – сказал Роудс. – Утром, услышав об этом убийстве, я был потрясен. Ведь мы только в воскресенье общались с ним.

– Расскажите мне об этом дне. Что видели, что слышали в доме.

Роудс посмотрел на Миковица, словно ожидая подтверждения того, что должен отвечать на эти вопросы.

– Продолжайте, Алан, – попросил Миковиц. – Это же, в конце концов, расследование убийства.

– Хорошо. – Роудс глубоко вздохнул. – В воскресенье утром Грег... доктор Оберлин, наш ветеринар, усыпил Ково. По договору мы должны были немедленно доставить труп таксидермисту. Ково весил больше сотни фунтов, поэтому мне понадобилась помощь, и Дебра Лопес, одна из наших сотрудниц, помогла мне. Поездка оказалась довольно грустной. Я работал с этой кошкой двенадцать лет, и между нами существовала некая связь. Это звучит безумно, потому что на самом деле доверять леопарду нельзя. Даже леопард, которого вы считаете ручным, вполне может вас убить, а Ково для этого точно хватило бы сил. Но я никогда не чувствовал с его стороны угрозы. От него не исходило ни малейшей агрессии. Он словно понимал, что я – друг.

– В котором часу вы приехали в дом мистера Готта в воскресенье?

– Около десяти утра, кажется. Мы с Деброй сразу же занесли Ково внутрь, потому что шкуру нужно снимать как можно скорее.

– Долго ли вы беседовали с мистером Готтом?

– Провели у него какое-то время. Он был рад возможности поработать со снежным барсом. Это чрезвычайно редкое животное – у него их прежде не бывало.

– Вам не показалось, что его что-то тревожит?

– Нет. Он был только рад такой неожиданной возможности. Мы занесли Ково в его гараж, потом он пригласил нас в дом – показать свою работу за многие годы. – Роудс покачал головой. – Я знаю, он гордился ею, но мне стало грустно. Всех этих прекрасных животных убили, чтобы сделать чучела. Правда, ведь я биолог.

– Я не биолог, но мне это тоже показалось грустным, – вставил Фрост.

– Это их культура. Большинство таксидермистов к тому же и охотники, и они не понимают, почему кто-то против того, что они делают. Мы с Деброй проявили

вежливость. Из его дома мы вышли около одиннадцати, и это все. Не знаю, что еще могу сообщить. – Он перевел взгляд с Джейн на Фроста. – Так что насчет шкуры? Мне важно знать, нашли ли вы ее, потому что она стоит сумасшедших денег для...

– Алан, – перебил его Миковиц.

Они переглянулись, и оба замолчали. На несколько секунд воцарилось молчание – пауза была столь многозначительна, словно замигала лампочка тревожной сигнализации: «Что-то случилось. Они пытаются что-то скрыть».

– Для кого она стоит сумасшедших денег? – спросила Джейн.

Миковиц ответил слишком поспешно:

– Для всех. Эти животные чрезвычайно редкие.

– Насколько редкие? Нельзя ли точнее?

– Ково был снежным барсом, – сказал Роудс. – *Panthera unica* из горных районов Центральной Азии. У них мех гуще и бледнее, чем у африканского леопарда, и в мире их осталось меньше пяти тысяч. Они как призраки – одинокие, выследить их трудно, и их количество с каждым днем сокращается. Ввоз шкур барса запрещен. В нашей стране запрещена даже продажа их шкур, новых или старых. На открытом рынке их невозможно ни купить, ни продать. Вот почему так важно знать, что случилось. Вы нашли шкуру Ково?

Джейн не стала отвечать на вопрос – она задала другой:

– Вы что-то говорили о договоре, доктор Роудс.

– Что?

– Вы сказали, что доставили Ково таксидермисту согласно договору. Что вы имели в виду?

Роудс и Миковиц избегали ее взгляда.

– Джентльмены, идет расследование убийства, – сказала Джейн. – Мы так или иначе выясним это, и я не советовала бы портить со мной отношения.

– Скажите им, – пробормотал Роудс. – Им нужно знать.

– Если произойдет утечка этой информации, нам конец, Алан.

– Скажите им.

– Ну хорошо, хорошо. – Миковиц посмотрел на Джейн несчастным взглядом. – В прошлом месяце мы получили предложение, от которого не смогли отказаться. Предложение от потенциального благотворителя. Он знал, что Ково болен и, скорее всего, будет усыплен. В обмен на цельное, не тронутое тлением тело животного он предлагал зоопарку внушительную сумму.

– Что значит «внушительную»?

– Пять миллионов долларов.

Джейн уставилась на него:

– Неужели снежный барс стоит таких денег?

– Для данного конкретного благотворителя – да. Это обоюдовыгодное предложение. Ково в любом случае обречен. Мы получаем немалые средства, которые позволяют нам оставаться на плаву, а благотворитель – редкий экземпляр для своей охотничьей комнаты. Он поставил одно условие: это соглашение должно оставаться в тайне. И назвал своим таксидермистом Леона Готта, потому что он – один из лучших. Я думаю, они были знакомы. – Миковиц вздохнул. – Поэтому я не хотел упоминать об этом. Эта договоренность – дело тонкое. Она может выставить нас в неверном свете.

– Потому что вы продаете редких животных тем, кто предлагает наивысшую цену?

– Я с самого начала был против, – сказал Роудс Миковицу. – Я говорил, что это еще обернется против нас. Теперь публичность обеспечена – будем хлебать дерьмо ложками.

– Слушайте, если все останется в тайне, мы сможем соблюсти договор. Мне только нужно знать, что шкура в целости и сохранности. Что с ней обращаются надлежащим образом, что с ней все в порядке.

– К сожалению, не могу вас успокоить, доктор Миковиц, – сказал Фрост. – Шкуры мы не нашли.

– Что?

– В доме Готта нет шкуры барса.

– Вы хотите сказать, что она... украдена?

– Мы не знаем. Просто ее там нет.

Ошарашенный Миковиц осел на своем стуле, как сдувшийся шарик.

– Боже мой, все пошло прахом. Теперь нам придется вернуть деньги.

– А кто ваш благодетель? – спросила Джейн.

– Эта информация не может распространяться. Общество не должно знать.

– Кто он?

На ее вопрос ответил Роудс с нескрываемым презрением в голосе:

– Джерри О'Брайен.

Джейн и Фрост удивленно переглянулись.

– Вы имеете в виду того самого Джерри О'Брайена? С радио? – спросил Фрост.

– Наше собственное бостонское Хайло О’Брайен. Что, по-вашему, будут чувствовать наши посетители, любящие животных, если узнают, что мы заключили сделку с этим радиоклоуном? С типом, который хвастается охотничьими сафари по Африке? Который разглагольствует о том, какое удовольствие получает, уложив слона? Да у него одна цель – прославление этого кровавого развлечения. – Роудс с отвращением фыркнул. – Если бы несчастные животные могли отстреливаться...

– Иногда, Алан, приходится заключать сделки с дьяволом, – сказал Миковиц.

– Ну, теперь сделка отменяется. Нам нечего ему предложить.

Миковиц застонал:

– Это катастрофа.

– Разве я этого не предсказывал?

– Вам легко говорить! Вас волнуют только ваши чертовы кошки. А я отвечаю за выживание всего заведения.

– Да, в этом преимущество работы с кошками. Я знаю, что им нельзя доверять. И они не пытаются убедить меня в обратном.

Роудс посмотрел на экран зазвонившего мобильного. И почти сразу же распахнулась дверь и в кабинет влетела секретарша:

– Доктор Роудс! Вас там ждут немедленно!

– Что еще случилось?

– В вольере леопарда происшествие. Один из зрителей... им нужно оружие!

– Нет. Нет!

Роудс вскочил со стула и выбежал из кабинета.

Джейн понадобилась секунда, чтобы принять решение. Она бросилась вслед за Роудсом. Когда она сбежала по лестнице и выскочила на улицу, Роудс был далеко впереди: он неся мимо испуганных посетителей зоопарка. Джейн пришлось прибавить скорость, чтобы догнать его. Она свернула по дорожке и уперлась в плотную людскую стену у вольера леопарда.

– Господи, – выдохнул кто-то. – Она что, мертва?

Джейн протиснулась сквозь толпу к ограждению. Поначалу за решеткой она увидела только вольер с зеленью и искусственными камнями. Потом что-то шевельнулось за ветками, хотя разглядеть, что это, было почти невозможно. Наконец она заметила за каменистой кромкой хвост – животное судорожно помахивало им.

Джейн двинулась в сторону, пытаясь найти место, с которого ей лучше было бы видно леопарда. И, лишь дойдя до самого края вольера, она увидела кровь – ленточку крови, яркую и поблескивающую, струящуюся по камню. Чуть выше на каменном уступе лежала человеческая рука. Женская. Леопард, присевший над жертвой, смотрел прямо в глаза Джейн, словно бросая ей вызов: ну-ка попробуй отнять у меня добычу.

Джейн подняла оружие и замерла с пальцем на спусковом крючке. Не попадет ли жертва под ее огонь? Джейн не могла видеть, что происходит за кромкой камня, не могла даже знать, жива ли еще женщина.

– Не стреляйте! – раздался крик доктора Роудса из задней части клетки. – Я заманю его в спальную клетку.

– У нас нет времени, Роудс. Мы должны вытащить оттуда женщину!

– Я не хочу, чтобы его убили.

– А что насчет женщины?

Роудс застучал по прутьям решетки:

– Рафики, мясо! Иди сюда! Иди в спальню!

«Ну его к черту!» – подумала Джейн и снова подняла оружие. Зверь был как на ладони – стреляй прямо в голову. Опасность, что пуля попадет в женщину, существовала, но, если ее не вытащить оттуда в ближайшую минуту, она все равно погибнет. Держа пистолет обеими руками, Джейн прицелилась и стала медленно нажимать на крючок. Но выстрелить не успела – рядом раздался звук другого выстрела.

Леопард упал и свалился с камня в кусты.

Мгновение спустя светловолосый мужчина в униформе зоопарка бросился через вольер к камням.

– Дебби! – крикнул он. – Дебби!

Джейн огляделась в поисках входа в вольер и заметила сбоку дорожку с надписью: «Только для персонала». Она побежала по ней вокруг вольера и наткнулась на распахнутую дверь.

Войдя внутрь, она увидела лужицу свернувшейся крови рядом с ведром и брошенными на полу граблями. Кровь пятнала бетонный пол зловещей цепочкой отметин, в которых виднелись отпечатки кошачьих лап. След вел к искусственным камням в задней части клетки.

У основания этих камней Роудс и светловолосый человек склонились над телом женщины, которое они стащили с уступа.

– Дыши, Дебби, – умоляюще проговорил светловолосый. – Пожалуйста, дыши.

– Я не чувствую пульса, – сказал Роудс.

– Где «скорая»? – Светловолосый в панике оглянулся. – Нам нужна «скорая»!

– Ее уже вызвали. Но, Грег, я думаю, тут уже ничего...

Светловолосый положил обе ладони на грудь женщины и принялся надавливать резкими отчаянными движениями, пытаясь заново запустить ее сердце.

– Помоги мне, Алан. Делай дыхание «рот в рот». Это нужно делать одновременно!

– Боюсь, мы опоздали, – сказал Роудс. Он тронул светловолосого за плечо. – Грег...

– Иди ты в задницу, Алан! Я тогда сам!

Он прижался губами к бледным губам женщины, вдохнул в нее воздух, потом снова стал массировать сердце. Глаза женщины уже стекленели.

Роудс посмотрел на Джейн и отрицательно покачал головой.

8

В последний раз Маура посещала Суффолкский зоопарк в теплый летний уик-энд, когда на дорожках было полно детей, облизывающих тающее мороженое, и молодых родителей с детскими колясками. Но в этот прохладный ноябрьский день зоопарк был пугающе безлюден. В птичьем вольере мирно прихорашивались фламинго. По дорожкам расхаживали павлины, и их не тревожили вспышки камер и любопытные малыши. Как хорошо было бы походить по зоопарку в одиночестве, постоять у каждого вольера! Но сегодня ее призвала сюда смерть, и получать удовольствие было не время. Служительница зоопарка в камуфляжной одежде быстро провела ее мимо клеток с приматами к вольерам диких собак. На территорию хищников. Сопровождающая, молодая женщина по имени Джен – блондинка с волосами, перехваченными на затылке резинкой, и с хорошим загаром, – была бы вполне на месте в каком-нибудь документальном фильме, снятом «Нэшнл джиографик».

– После этого несчастья мы закрыли зоопарк, – сказала Джен. – Целый час выпроваживали посетителей. До сих пор не могу поверить, что случилось такое. Никогда прежде ничего подобного не было.

– Давно вы здесь работаете? – спросила Маура.

– Почти четыре года. Я еще девчонкой мечтала работать в зоопарке. Пыталась поступить в ветеринарный колледж, но не хватило баллов. И все же я занимаюсь тем, что нравится. Свою работу нужно любить, ведь не только ради денег этим занимаешься.

– Вы знали погибшую?

– Да, у нас дружный коллектив. – Она покачала головой. – Не могу понять, как Дебби могла так ошибиться. Доктор Роудс всегда нас предупреждал, что с Рафики нужно быть осторожным. «Никогда не становитесь к нему спиной. Никогда не доверяйте леопарду», – это он нам говорил. И я считала, что он преувеличивает.

– А не страшно работать рядом с крупными хищниками?

– Раньше было не страшно. Но теперь я переменила мнение. – Дорожка сделала поворот, и Джен сказала: – Здесь это случилось.

Эта информация была излишней: мрачные лица людей у вольера подсказали Мауре, что она добралась до места назначения. В этой группе стояла и Джейн Риццоли, которая отделилась от других и подошла к Мауре.

– Одно из тех дел, какие тебе вряд ли захочется видеть снова, – сказала Джейн.

– Ты расследуешь эту смерть?

– Нет, собиралась уже уходить. Судя по всему, это несчастный случай.

– А что именно произошло?

– Похоже, жертва убирала в клетке, когда кошка напала на нее. Видно, женщина забыла запереть спальную клетку, и зверь выбрался в главную часть вольера. Когда я здесь появилась, все уже было кончено. – Джейн покачала головой. – Напоминание о том, какое место мы занимаем в пищевой цепочке.

– Что это за кошка?

– Африканский леопард. Один крупный самец.

– Его заперли?

– Убили. Доктор Оберлин – вон тот блондин – пытался обезвредить его с помощью шприц-ружья, но дважды промахнулся, и ему пришлось пристрелить леопарда.

– Значит, можно войти без опаски.

– Да, но там целое море крови. – Джейн посмотрела на свои запачканные кровью туфли и покачала головой: – А они мне так нравились. Ну ладно. Позвоню тебе попозже.

– Кто меня туда проводит?

– Я думаю, Алан Роудс.

– Кто это?

– Здешний специалист по крупным кошкам. – Джейн повернулась к группе людей, собравшихся у клетки. – Доктор Роудс! Пришла доктор Айлз из офиса коронера. Она должна увидеть тело.

Темноволосый человек, откликнувшийся на ее зов, явно все еще не пришел в себя после случившегося. На его форменных брюках были кровавые пятна, а попытка улыбнуться не могла скрыть тревоги на его лице. Он машинально протянул Мауре руку, потом понял, что пальцы испачканы кровью, и опустил.

– Сожалею, что вам придется это увидеть, – сказал он. – Вам, наверно, не привыкать ко всяким ужасам, но это какой-то запредельный кошмар.

– Я никогда не имела дело с жертвами нападения крупных кошек, – сказала Маура.

– У меня тоже первый случай. И хорошо бы последний. – Он вытащил ключ на колечке. – Я проведу вас через служебную территорию. Там дверь в вольер.

Маура помахала Джейн на прощание и пошла за Роудсом между живыми изгородями по дорожке, над которой висело предупреждение: «Только для персонала». Дорожка шла между соседствующими вольерами и вела к тыльной части, недоступной для посетителей.

Роудс отпер ворота:

– Здесь мы пройдем по клетке-ловушке. Тут есть две калитки – в начале и в конце. Одна ведет в вольер, открытый для обозрения публики, а другая – в спальное помещение.

– Почему она называется клеткой-ловушкой?

– У нее есть опускаемая дверь, которую мы используем при ветеринарных осмотрах животного. Когда зверь заходит туда, мы опускаем решетку, и он оказывается запертым. Там его легко вакцинировать или ввести в плечо другие лекарства. Минимальный стресс для животного и максимальная безопасность для персонала.

– Через эту клетку и вошла жертва?

– Ее звали Дебра Лопес.

– Извините. Миз Лопес так и вошла в вольер?

– Это не единственный вход. Есть еще отдельный вход в спальное помещение, где животное проводит время, когда зоопарк закрыт для посетителей.

Они зашли в клетку, Роудс закрыл за ними дверь, и они оказались в очень узком проходе.

– Как видите, двери в обоих концах. Прежде чем войти в любое из этих пространств, вы должны убедиться, что животное заперто в противоположной секции. Это главное правило техники безопасности зоопарка: ты всегда должен знать, где находится кошка. В особенности Рафики.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Окаванго – река в Юго-Западной Африке. Дельта Окаванго – самая большая внутренняя дельта планеты, не имеющая стока в Мировой океан. Находится на территории Ботсваны, главный источник воды в этом регионе, примыкающем к пустыне Калахари.

2

Маун – небольшой город в Ботсване.

3

Фамилия созвучна с английским словом posthumous, что означает «посмертный».

4

Африканеры – группа населения ЮАР, потомки колонистов голландского, немецкого и французского происхождения.

5

Тсонга (батсонга) – народ, живущий в Мозамбике.

6

X-хромосома – половая хромосома, у самок имеются две X-хромосомы, у самцов одна X-хромосома и одна Y-хромосома.

7

Имеется в виду персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

8

Бабушка (ит.).

9

Эвисцерация – в медицине извлечение внутренних органов трупа с целью их изучения.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tess-gerritsen/umeret-snova-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)